

Будни хирурга. Человек среди людей

Автор:

Федор Углов

Будни хирурга. Человек среди людей

Федор Углов

Книга «Будни хирурга» выходящая так же под названием «Человек среди людей», это не просто описание реальной жизни врача, медицинских случаев и неожиданных диагнозов, это поистине книга жизни...

Отличительная особенность книг Федора Григорьевича в том, что описание сложнейших операций читается, как детектив.

Федор Углов

Будни хирурга. Человек среди людей

Глава I

1

В редакцию журнала «Вестник хирургии» пришло письмо: «Более полутора лет нахожусь под следствием по делу смерти больной, которая в январе прошлого года была оперирована мною по поводу гангренозного, перфоративного, калькулёзного холецистита. Во время операции возникло сильное кровотечение.

Больная очутилась на грани смерти... Её удалось спасти, но в брюшной полости случайно была оставлена марлевая салфетка – я и мои ассистенты не заметили её.

В конце февраля того года больная в хорошем состоянии была выписана, но через семь с половиной месяцев после операции внезапно скончалась.

На вскрытии выявлен большой, шаровидной формы тромб, закупоривший весь просвет лёгочной артерии, что и послужило основной причиной смерти.

Одновременно с этим под печенью был обнаружен осумковавшийся тампон (марлевая салфетка). Перитонита не было.

Судебно-медицинская экспертиза, проведённая в нашем городе, дала заключение, что причиной смерти является тромбоэмболия лёгочной артерии и что оставленный тампон влияния на печальный исход не имел. Экспертиза же, проведённая в Москве, дала заключение, что причиной смерти явился случайно оставленный тампон.

Дело дважды прекращалось следственными органами на местах за неимением состава преступления.

Теперь мое дело находится в Прокуратуре Союза ССР, и я обвиняюсь в халатности. Мне угрожает исключение из партии, в которой я состою 30 лет, увольнение из института, где я проработал всю жизнь. Прошу высказать авторитетное Ваше мнение и мнение возглавляемой Вами редакции по моему делу.

С волнением и благодарностью ожидаю Вашего ответа.

Профессор Гафили».

Письмо было адресовано мне, редактору журнала. Вместе с заявлением профессор прислал протокол научно-клинической конференции, в которой руководитель клиники и его сотрудники, тщательно изучив историю болезни и данные вскрытия умершей, установили, что смерть больной последовала от эмболии лёгочной артерии и оставленный тампон не имел отношения к

печальному исходу.

В чём же дело? Почему Москва настойчиво требует нового и нового пересмотра дела?

Мы рассмотрели заявление профессора Гафили на заседании редколлегии и ответили ему, что редколлегия как официальный орган может высказать своё мнение по затронутым вопросам, если получит официальный запрос от учреждения, в ведении которого находится рассмотрение дела. Что разбор причин и последствий такого несчастья в хирургии, как оставление инородных тел в брюшной полости, всегда сложен, а квалификация его в юридическом плане требует всестороннего обсуждения и тщательного изучения обстоятельств дела.

Отослал я это письмо, а на душе как-то муторно. С одной стороны, дело идёт о чести специалиста и, может быть, хорошего человека. А с другой, жизнь женщины, скорее её смерть. А как расценить ошибку профессора Гафили? Хирургическое несчастье, халатность?

Долго меня мучила совесть, все порывался написать профессору другое письмо, но как только я об этом начинал думать, тотчас возникал вопрос: а что практически я мог сделать для несчастного хирурга?..

К моему большому удовлетворению, получил уведомление от местной прокуратуры: я включен в состав экспертной комиссии по делу профессора Гафили и должен буду выехать на место для изучения обстоятельств происшествия.

Когда мы приехали в столицу одной из наших южных республик и приступили к изучению дела, передо мной предстала довольно сложная картина. Прежде всего я постарался как можно более обстоятельно познакомиться с профессором Гафили. Этот хирург оказался очень популярным и широко известным в своей республике. Он отличался хорошими мягкими руками и добрым сердцем. Все говорили, что он очень внимателен и отзывчив к больным. Его любили, доверяли и часто просили, чтобы именно он сделал операцию тому или иному больному. Он никогда никому не отказывал. При этом часто брался за такие операции, от которых другие профессора отказывались или у них были очень плохие результаты.

Больные и их родственники буквально боготворили хирурга, гордились им, называли своим национальным Пироговым. Но среди его коллег были и те, кто ревновал, завидовал ему, а иногда и придумывал истории, которые бы могли скомпрометировать хирурга.

Но, как говорит русская пословица: «У лжи короткие ноги». Всякие наветы, пустая болтовня быстро забывались, а профессору Гафили приносили прочный авторитет его успешные операции, его человечность и отзывчивость к чужому горю.

2

В тёплые июньские дни, когда солнце ласково светит, но нет ещё изнуряющей жары, когда деревья покрыты сочными зелеными листьями, а поля душистыми цветами, так хочется поваляться на траве, послушать пение птиц, помечтать, отдохнуть от постоянной работы, хоть на время отвлечься от людского горя, от молящего взгляда больных и их родственников. Позади бессонные ночи, а впереди – новые тяжёлые, уже запланированные операции. Хорошо бы хоть один день отдохнуть. Профессор давно мечтал выехать за город, но все что-то мешало. Да и жене и детям сколько уж раз обещал загородную прогулку.

– Завтра, – говорит он, обращаясь к жене и детям, – поедem за город. И целый день в нашем распоряжении!

– Да, уже давно пора, – сказала жена. – Я и не помню, когда ты ездил за город. Сам-то на кого похож, да и дети давно свежего воздуха не видели, мечтают о поездке.

– Ну вот и отлично! Значит, заслужили отдых! Сегодня же всё соберите, чтобы утром пораньше выехать.

Все были счастливы, предвкушая удовольствие от предстоящей вылазки за город. С жаром обсуждали, куда лучше выехать и как лучше провести день. Все включились в подготовку. Кто побежал в магазин закупать продукты, кто замешивал тесто, чтобы взять с собою печенье собственного изготовления.

Легли поздно: каждый по-своему мечтал о том, как он проведёт завтрашний день.

Утром вся семья была в сборе. Профессор Гафили возился со своим «Москвичом», делая последние приготовления в дорогу.

А в это время недалеко от них, в новом доме на третьем этаже, молодая женщина Елена Петровна Заходилова гладила бельё, то и дело высовываясь в окно, чтобы посмотреть, не случилось ли что с сыном, который играл во дворе. Отец был где-то там же, но он мог и не доглядеть за мальчиком... Поставив уже остывший утюг на окно, она пошла на кухню. Услышав какой-то шум на улице, подбежала и высунулась в окно. Утюг, стоявший на подоконнике, соскользнул и упал вниз. И надо же быть такому несчастью – упал прямо на голову сына!.. Голова оказалась разбита. Ребёнок впал в бессознательное состояние. Жизнь в нём едва теплилась.

Обезумевшие от горя родители, схватив на руки ребёнка, понесли его на квартиру к профессору Гафили, благо он жил неподалёку. Профессор в тот момент выезжал из ворот. Взглянув на родителей, находящихся в невменяемом состоянии, он с сожалением и виноватым видом посмотрел на жену. Он мог, конечно, отослать пострадавших в дежурную клинику, но язык не повернулся сказать такое родителям. Тем более что он понимал и тяжесть состояния ребёнка, и всю трудность предстоящей операции. Посадив несчастных родителей с ребёнком в свой автомобиль, Гафили осторожно, но быстро доставил их в клинику.

Началась тяжёлая борьба за жизнь мальчика. Надо было тщательно остановить кровотечение, сшить твердую мозговую оболочку, уложить на место все костные осколки и, обработав кожную рану, наложить аккуратно швы.

Пять часов продолжалась сама операция, а затем почти полтора месяца ежедневных забот и тревог за судьбу ребёнка, находившегося между жизнью и смертью.

В конце концов победа оказалась на стороне врача.

Через два месяца счастливые родители увозили из больницы здорового сына. Они со слезами на глазах благодарили хирурга. Так семья Заходиловых впервые

встретилась с профессором Гафили.

Супруги, оправившись от несчастья, вновь зажили спокойной, счастливой жизнью.

Заходилов – хороший мастер на производстве; он, как и профессор Гафили, большой любитель автомобильных путешествий. У них был дом, огород и сад. Фрукты и ягоды со своего сада водились у них круглый год, да ещё на продажу хватало. Накопили средства, купили «Москвич». Каждое лето совершали поездки по стране, съездив в один конец, уже осенью обдумывали, куда поедут на следующий год.

И в этом году они уже загодя стали обдумывать предстоящий маршрут. На этот раз решили доехать до Сибири. По той дороге, по которой шли и ехали декабристы.

– Поедем, Саша, – говорит Елена Петровна, – поклонимся земле сибирской. Много горя повидала она, принимая лучших сыновей и дочерей России на тяжёлую и суровую жизнь. Гибли наши деды в борьбе за лучшую жизнь, и должны мы чтить их память. Поедем, поклонимся сибирским местам, сходим на могилы тех, кто навсегда остался лежать в земле сибирской.

Так и порешили.

Муж, понимая трудность предстоящего путешествия, стал к нему готовиться. Вечерами же, после работы, они вслух читали книги о жизни декабристов, вместе с ними переживая их тяготы.

– Какая сила духа у русских людей и какая у них любовь к Родине! Есть ли где на земле ещё такие люди?! – вытирая слёзы, говорила Елена Петровна.

Чтение подобных книг ещё больше укрепляло их намерение летом поехать в Сибирь.

Вдруг среди зимы у Елены Петровны возникли резкие боли в животе. Поначалу супруги не придали этому значения. Они знали, что у неё камни желчного пузыря, приступы болей возникали не однажды, но каждый раз, когда она

примет желчегонное, ограничит себя в еде, у неё все быстро проходило.

На этот раз Елена Петровна поступила так же. Легче не становилось. Боли нарастали. Терпеть стало невозможно. Побежал муж в ближайшую телефонную будку, вызвал «Скорую». Приехала врач, молоденькая женщина. Потрогала рукой живот в нескольких местах, да так, что больная морщилась и стонала, и уверенно заявила: «У вас острый холецистит. Немедленно в больницу! Вот вам направление в хирургическую клинику». И доктор уехала.

Супруги крепко задумались. Больница... Возможно, операция... Но может быть, можно обойтись без больницы?

Сбегал муж в аптеку, принёс лекарства, которые знакомый аптекарь посоветовал принимать, ушёл на работу. Вечером застал жену в ещё худшем положении. Боли усилились, лицо пожелтело, осунулось. А наутро муж позвонил на службу, сказал, что опоздает, и повёз жену на такси в больницу.

Здание больницы только что отстроено, тут много этажей, светлые большие окна. Двор, правда, не приведен в порядок, но сделан по хорошему плану. На территории два пруда, где ребяташки из соседних дворов уже ловят рыбу.

Направление у Заходилова хоть и было, но жену пришлось поместить пока в приемном покое. Тут было много народа и все ждали доктора. К больнице то и дело подъезжали машины «Скорой помощи». Из них на носилках и просто с помощью санитаров больные поступали в приемный покой. Небольшая комната становилась тесной, а больные все прибывали. «Скорая» подвозила главным образом людей с травмами. Вот на каталке завозят мужчину, сбитого машиной. Он только что пришёл в сознание, смотрит печально на толчею вокруг себя. К каталке подходит дежурная сестра и громко кричит на санитаря, привёзшего человека:

– Куда ты везёшь? Я же звонила, что у нас все места заняты! С травмами уже пять человек, а травматолог один. Они и так будут ждать своей очереди несколько часов! Везите в другую больницу! Я не приму!

– Куда же я повезу в другую больницу, когда у меня наряд к вам! Да и больной очень тяжёл, он только что пришёл в сознание!

– Я сказала, что принимать больше ни одного человека не буду! Что хочешь делай, куда угодно вези – я принимать не буду!

Больной лежит на каталке с широко открытыми глазами. Он болезненно морщится от каждого слова дежурной сестры. Ему плохо, голова болит. Были бы силы – встал бы и пошёл домой. Но сил нет, и он слушает брань над своей головой. Наблюдала эти сцены и Елена Петровна. И от приёма такого ей становилось больнее.

Обо всем этом потом рассказывал муж Елены Петровны Заходилов. Он рассказывал мне как члену комиссии – «представителю свыше», разводил руками, недоумевал: «Как же так?.. Зачем же так грубо встречают пациентов в нашей большой, такой красивой и благоустроенной лечебнице?.. Государство не жалеет денег для народа, строит больницы, готовит врачей, а вот какие-то нерадивые люди не могут организовать приём, не могут хорошо встретить, обласкать человека в минуту, когда он особенно в этом нуждается?..»

– А что прикажете делать врачу? – оправдывалась дежурная сестра, сидящая за регистрационным столом. – Больных тридцать человек, а он один. Двое хирургов всё время оперируют. Он должен и им помогать, и больных осматривать. Ещё нет двенадцати часов, а нам прислали уже суточную норму. И видите: продолжают везти.

Заходилов мрачно стоял, прислонившись к стене, не вмешиваясь ни в какие разговоры. Он переживал за жену, которая – он знал это – сильно страдает и не имеет возможности даже прилечь.

Не дождавшись приёма, взял документы, увёз жену домой. Но болезнь не отступила.

Ночью жене стало совсем плохо. Муж побежал к профессору Гафили и разбудил его.

– Умоляю! Посмотрите больную жену. Может быть, можно её оставить дома и не класть в больницу. Если же обязательно нужно ложиться, то возьмите её, пожалуйста, к себе в клинику!

Профессор Гафили с трудом заснул в ту ночь. У него был тяжёлый день, а вечером его вызвали в клинику, так как один из оперированных им больных отяжелел. Переживая за него, он долго не спал, волновался, звонил дежурному врачу. Ночной визитёр вызвал минутное чувство досады. «Ведь и та клиника, – думал он, – куда было направление, неплохая. Хирурги там хорошо делают подобные операции». Но он подавил в себе это чувство. Гафили всегда считал, что больной вправе выбирать хирурга, которому он может доверить свою жизнь.

Я тоже недоумеваю, почему больной не может выбрать по своему желанию хирурга. Больной лечится только у определенного врача по месту жительства. А если этот врач невежественный, грубый, часто делает ошибки и я не хочу у него лечиться? Почему я не имею права идти к такому врачу, которому я доверяю? Я имею право выбирать парикмахера, чтобы доверить ему свои волосы, имею право выбирать портного и не идти к тому, который плохо шьёт и может мне испортить костюм. А вот здоровье своё доверяю тому, к кому прикреплен. Знаю, что хирург плохо оперирует, а вынужден доверить ему жизнь. Мне кажется, тут явная недоработка наших медицинских администраторов. Можно было извинить такое положение в первые годы и десятилетия Советской власти – мало было у нас врачей, не хватало больниц. Но теперь у нас есть всё – и врачи и больницы. Медики вооружены первоклассной современной техникой и инструментами. Искусство наших врачей приобрело всемирную славу. О гуманном характере советского здравоохранения нечего и говорить – об этом теперь знают люди едва ли не всех стран. И если даже в наше время, даже в наших условиях встречаются несурезицы, о которых мы тут ведём речь, то, конечно же, они от нерадивости или от неумения людей, отвечающих за это дело.

У нас когда-то был издан приказ, по которому, чтобы поехать в другой город в какую-то поликлинику или к какому-то врачу, нужно направление республиканского министерства или облздравотдела! Это при наших-то расстояниях!.. Вот однажды я принимаю больного из другой области без направления, а мой вышестоящий начальник показывает мне инструкцию: нельзя! Больной говорит, что у него до районного центра 120 километров, а до областного – 400! Это ему за бумажкой надо ехать 400 километров, да ещё с двумя пересадками. А у него больное сердце. Но ведь надо ехать, так как без направления из облздравотдела мы его принять не можем, даже если у нас есть место. А может и такое произойти: приедет он в облздравотдел, а там ему скажут: лечитесь на месте.

Ну да ладно: отвлекся я от истории с больной. Итак, профессор оделся и поехал с Заходиловым.

Картина болезни оказалась тяжёлой. Уступая просьбе её мужа, дал направление в клинику. Тут же по телефону хотел распорядиться, чтобы готовили операционную, но оба супруга стали умолять полечить терапевтически.

Хирург сдался и по телефону назначил больной терапевтический курс лечения. На следующий день картина ухудшилась. Хирург вновь предложил неотложную операцию. Но ни больная, ни её муж согласия на операцию не давали.

Прошло три дня. Тяжесть картины нарастала. В брюшной полости разыгрывалась катастрофа, больной с каждым часом становилось хуже, она начала терять сознание.

– Если вы не дадите согласие на операцию сейчас же, – предупредил родных профессор Гафили, – то завтра будет поздно.

Супруги согласились.

На операции был выявлен воспаленный, наполненный камнями желчный пузырь. Стенка его омертвела и в одном месте прорвалась. Перед хирургом предстала картина острого разлитого перитонита.

В этих условиях операция удаления желчного пузыря была трудной и опасной. Омертвевшие ткани расползались при прикосновении к ним. Когда хирург отделил шейку желчного пузыря от общего желчного протока, началось неудержимое кровотечение. Его не удавалось остановить ни зажимами, ни марлевыми тампонами. Врач убирал одни салфетки, клал другие, затем одну на другую. Кровотечение было настолько сильным, что больной пришлось переливать кровь одновременно в две вены. Но и это не помогало. Состояние больной быстро ухудшалось. Пульс частил, давление катастрофически падало.

В этих условиях глубокий наркоз был очень опасен, а когда наркоз ослабили и больная стала просыпаться, положение ещё более осложнилось.

Был профессор Гафили опытный и искусный хирург, не раз он выходил из трудного положения, но здесь почувствовал, что почва ускользает из-под ног. Дрогнули руки, на миг усомнился в своих силах. Но, как часто случается в подобных ситуациях с людьми сильными, позвал на помощь всю свою волю. Прижав кровоточащее место сразу несколькими салфетками, попросил одного из помощников: «Срочно пригласите в операционную заведующего кафедрой!» Профессор Межуров по возрасту уж много лет не оперировал, но обладал большим хирургическим опытом и хорошим клиническим мышлением.

Межуров явился в операционную немедленно. С первого же взгляда оценив сложившуюся обстановку, понял, что, прежде чем удастся обычными мерами остановить кровотечение, хирург потеряет больную. Он сказал: «Наложите на кровоточащее место длинные зажимы и, не накладывая лигатур, оставьте их в ране. Когда угроза гибели отодвинется, мы решим, как окончательно остановить кровотечение».

Гафили так и сделал. Тремя зажимами остановил мощное кровотечение, а менее сильное остановил тампонами. Оставив зажимы и тампоны в ране, осторожно зашил остальную её часть. Долго ещё продолжал он бороться за жизнь больной...

На тринадцатый день после операции с соблюдением всех предосторожностей зажимы и тампоны были удалены. Кровотечение не возобновилось. Ещё через несколько дней больная выписалась домой. Чувствовала себя здоровой. А ещё через месяц супруги Заходиловы отправились в долгожданное путешествие по Сибири.

Осенью Заходиловы вернулись из своего путешествия весёлые и довольные. объездили почти всю Сибирь, купались в её быстрых реках, загорали на горячем сибирском солнце. Побывали во многих исторических местах, связанных с именами декабристов.

Незадолго до наступления Нового года Елена Петровна Заходилова почувствовала недомогание. Муж вновь обратился к профессору Гафили. В тот же день профессор осмотрел больную и направил её в свою клинику на обследование. Там во время осмотра в рентгеновском кабинете больная внезапно скончалась.

На вскрытии у неё обнаружили эмболию лёгочной артерии и тампон в забрюшинном пространстве. Воспалительных явлений вокруг тампонов не было.

На научно-клинической конференции причина смерти больной Заходиловой подверглась всестороннему обсуждению. После сообщения профессора Гафили и патологоанатома, после многочисленных вопросов и обстоятельных ответов на них было сделано общее заключение, что причиной смерти больной Заходиловой явилось тромбоэмболия лёгочной артерии. Что же касается забытого тампона, то он влияния на исход болезни не оказывал и, как принято у нас, медиков, выражаться, явился лишь патологоанатомической находкой.

Профессор Гафили тяжело перенёс смерть Заходиловой. Пережив очень много во время операции и во время выхаживания больной, он невольно привязался к этой семье. Поэтому ему тяжело было разговаривать с мужем, объясняя ему причину печального исхода.

К счастью для него, Заходиллов проявил полное понимание. Он и сам видел, как старался и как переживал хирург, борясь за спасение больной, поэтому он, не сделав никакого упрека, только заплакал и сказал:

– Что же, видно, такова наша судьба.

Вскоре они снова случайно встретились. И снова сам по себе возник нелёгкий разговор.

– Понимаю, профессор, – говорил муж, – знать, судьба такая. А вы что ж, вы всё сделали для нашей семьи.

Профессор Гафили уехал в отпуск. Вернулся через месяц. В институте объявили конкурс на замещение вакантной должности заведующего соседней кафедрой хирургии, и Гафили решил принять участие в конкурсе. При этом он не знал, что там уже лежали документы хирурга той же кафедры, шансы у которого на избрание по всем показателям были ниже.

Не знал он и некоторых других обстоятельств...

Как-то вечером Заходилов сидел на скамейке у своего дома, предаваясь горьким размышлениям. Он думал о том, все ли было сделано с его стороны для спасения жены. И тут же себе говорил: да, конечно, он принял все возможные меры. Ведь операцию и наблюдение за больной вёл один из лучших хирургов города. И профессор, и его помощники добросовестно делали всё, чтобы её спасти.

Заходилов не заметил, как к нему на скамейку кто-то подсел.

– О чём грустите? – тихо спросили его. Заходилов вздрогнул и посмотрел на незнакомца.

Это был человек средних лет с большими, слегка слезившимися глазами. Заходилов, у которого все болело внутри, чтобы облегчить душу, рассказал историю болезни и смерти жены.

Незнакомец внимательно слушал исповедь, время от времени покачивал головой:

– Ай-яй-яй, как нехорошо! Что же вы, так и не обжаловали действия профессора?

Заходилов удивился, возразил:

– Что же я на него буду жаловаться, когда он для нас всё делал как для родных. Он сына спас...

– Да, конечно, он даже не пожалел для вашей жены салфеточку...

– Ну тут же несчастный случай. Да она, как мне говорили, и не оказала влияния...

– Это кто же говорил?.. А вот умные люди думают иначе. Вам бы следовало написать заявление. Долг перед светлой памятью жены требует. Пусть ещё раз проверят, действительно ли это ошибка, или это тяжкое преступление...

Всё смешалось в голове Заходилова. Он теперь и совсем потерял покой – ночей не спал, всё думал: кто же виноват в смерти жены? И надумал... написать жалобу!

Так в прокуратуру поступило заявление Заходилова, в котором он обвинял профессора Гафили «в преступнохалатном отношении к его жене», из-за чего последовала её смерть. И просил привлечь врача к ответственности.

От подачи заявления до работы экспертной комиссии, в которой я принял участие, прошло более двух с половиной лет. Это были годы тяжких переживаний и волнений для профессора Гафили. Работала экспертная комиссия, велись допросы, писались протоколы и т. д., что само по себе не могло не сказаться на хирурге, на твердости рук, на точности глаза... Больные же люди наперекор всей этой шумихе по-прежнему с той же любовью, с тем же доверием шли к нему (поразительно: больные никогда не ошибаются в оценке врача!). Они так же настойчиво просили хирурга, чтобы именно он делал им операцию. Другие просили за родных и близких.

Профессор же Гафили жил в большой тревоге: он теперь боялся за себя, боялся ошибиться. А какой хирург может быть гарантирован от ошибки или несчастного случая, когда приходится делать операции, от которых отказываются другие?!

К чести местной судебной администрации надо сказать, что они подошли к делу серьёзно. Опросив всех причастных лиц, комиссия, а за ней и прокуратура не нашли состава преступления в действиях хирурга, и дело на него было прекращено. Так над головой Гафили, казалось, стало проясняться небо. Но нет. После того как стало известно о решении прокуратуры, хирург, подавший заявление на конкурс, выехал в Москву. Поездка оказалась не напрасной. Вскоре союзное министерство обратилось в Прокуратуру Союза с письмом о незаконном прекращении дела в отношении Гафили, мотивируя тем, что он при операции допустил преступную халатность. Прокуратура обратилась в Институт судебной медицины с просьбой дать ответ на вопросы, связанные с причиной смерти Заходиловой.

Прокуратура Союза отменила решение местных властей и поручила им произвести дополнительное расследование.

Местная прокуратура назначила новую комиссию, в которую опять вошли работники института, уже давшие своё отрицательное заключение. Но в комиссию были включены и два новых члена. Судебный медик из другой области и я как хирург и редактор хирургического журнала.

Итак, через два с половиной года от подачи заявления начала работать наша комиссия.

3

Прежде всего я хотел познакомиться и поговорить с самим профессором Гафили.

Годы тревог и волнений не прошли для него даром. Он выглядел больным и усталым.

Сиротливо всё это время было в доме Гафили. Жена, дети – все переживали за него. Жена старалась не показать своих тревог, но у неё так же появились и боли в сердце, и бессонница. Мужа она успокаивала:

– Не волнуйся, всё пройдет. Знаешь поговорку: «В мире зло недолговечно, а добро царит в веках». Не может быть, чтобы в нашей стране не разобрались во всем по справедливости.

– Да, конечно, всё так и будет! – быстро соглашался Гафили.

Так успокаивали они друг друга, стараясь глушить в сердце тревогу и даже вызывать улыбки, но тоска, как червь, подтачивала их здоровье.

Вызванный в нашу комиссию профессор подробно и обстоятельно изложил всю историю. Гафили не оправдывал себя. В нём проявилось благородное чувство врача, для которого интересы больного, заботы о его жизни и здоровье всегда были выше собственных интересов.

Оценив сложность и трагичность обстановки, в которой происходила операция, я понял явную натянутость предъявленного обвинения. Однако мои возможности были ограничены: я выступал в роли рядового члена комиссии – предстояло деликатно и умело разбивать гору обвинений. Да и сам факт наличия в нашей комиссии двух представителей этого института не предвещал лёгкого решения вопроса. Наверное, захотят защищать честь мундира и авторитет начальства. Ведь уже два раза выносилось решение о прекращении

дела, но каждый раз вмешивались какие-то силы и дело о хирурге вновь закипало.

Я был единственным хирургом в комиссии, остальные – судебные медики.

Операционная сестра (она работала с профессором не более года) заявила, что в конце операции она установила недостачу тампона и сказала об этом хирургу. Но последний якобы не обратил на это внимания.

Два ассистента профессора отвергли это утверждение о недостаче тампона, они ничего не слышали, иначе больную не выписали бы домой, пока тампон не был бы извлечен.

Мы обратили внимание на поведение второй операционной сестры – Тани.

В то время когда старшая сестра отвечала на наши вопросы, Таня сидела, опустив голову, и время от времени бросала на старшую сестру недоуменные взгляды. Наконец, когда почти все из присутствующих на операции высказались, она попросила слова.

– Я как помощница старшей сестры, – заговорила Таня срывающимся голосом, – в первую очередь должна была следить за тампонами. Но операция была так сложна... Мы вытащили все запасные биксы и в конце операции не имели никакого представления, сколько салфеток выдали на предоперационный столик к хирургу. Хирургам же, занятым спасением больной, тем более было не до них. Из всех участников операции я была, наверное, меньше всех занята, и я должна была думать об этом и следить за тем, чтобы салфетки где-нибудь не застряли. Но я, поддавшись общей тревоге за судьбу больной, совсем забыла о салфетках.

Поступок молодой сестры произвел на всех большое впечатление. Опустив глаза, с красными пятнами на лице сидела старшая сестра. Неловко себя чувствовали и некоторые представители комиссии, которые, по существу, вопреки здравому смыслу все обвинения профессора Гафили строили на показании старшей сестры.

Но нам было мало заявления второй сестры.

Следовало уяснить: что обязана была сделать старшая сестра, если на её указание о недостатке салфетки хирург не реагировал? Правила внутреннего распорядка больницы гласили: она обязана была в устной или письменной форме доложить об этом заведующему отделением или главному врачу больницы.

Ни того ни другого старшая сестра не сделала.

Таким образом, отпал один из главных аргументов, на котором базировалось обвинение профессора Гафили.

Тщательно и объективно изучив всё дело, проверив все препараты и историю болезни, комиссия установила, что оставление салфетки не оказало влияния на печальный исход, а, учитывая трагичность создавшейся во время операции ситуации, сам факт оставления салфетки комиссия рассматривает как несчастный случай в хирургии, который, к сожалению, нередко бывает даже у самых опытных хирургов.

И хотя хирург несёт ответственность не только за свои действия во время операции, но и за действия своих помощников, в данном случае следует учесть исключительно сложную ситуацию, в которой оказались хирург и вся операционная бригада.

Сделав такое заключение, мы разошлись по домам. Я полагал, что основная работа закончена, но смутная тревога не покидала меня. Когда мы собрались на следующее утро, представитель института судебной медицины заявил:

– Мы вчера вечером ещё раз продумали наше заключение и пришли к выводу: не вносить в наше решение пункт о невинности профессора Гафили.

Я возразил:

– А мы и не даём определения характера действия профессора Гафили. Мы даём определение случившегося факта. Учитывая характер и течение операции, трагичность ситуации и крайне сложное положение операционной бригады, мы определяем этот факт как несчастный случай в хирургии. Подобное определение никто, кроме нас, дать не может. Ни следователь, ни прокуратура, ни судья. Только мы, специалисты-медики, можем и должны это сделать.

Члены комиссии согласились со мной. Пункт, полностью снимающий с профессора Гафили обвинение в «преступнохалатном отношении», был принят.

Печальная история, однако, не прошла для профессора бесследно. Несмотря на молодой возраст (ему не было и 50 лет), он уже не только чувствует своё сердце, но оно стало болеть, мешало работать. Последнее же время боли не отпускали ни днем ни ночью. Он то и дело глотал валидол. Примет таблетку – на какое-то время отпустит. А затем опять те же боли. Наконец и валидол перестал действовать. Пришлось перейти на нитроглицерин. Временами ему казалось, что он потеряет сознание или упадет, не окончив операции.

4

Накануне нашего отъезда он мне сказал:

– Вот я и сам испытал, как реагирует сердце на неблагоприятные поступки людей. У меня развилась стенокардия. Но я боюсь худшего. Уже не раз я мерил себе давление. Вижу, что оно начинает повышаться. Хорошо помню слова русского учёного Мясникова о том, что «гипертоническая болезнь, так же как и стенокардия, появляется в результате перенапряжения процессов торможения и психической травматизации эмоциональной сферы».

– А вы могли бы какое-то время не оперировать?

– Конечно, мог бы. Да как откажешь людям! Ко мне так много обращается больных. И вот ещё что обидно: мало осталось людей, которые бы сохранили ко мне прежнее отношение. Многие из тех, которые считались друзьями и кому я сделал немало добра, перестали не только заходить, но даже и звонить.

– Значит, плохие у вас были друзья. И жалеть о таких не следует.

– Вы правы. Я теперь их только и разглядел. Друзей-то, выходит, настоящих не так просто иметь. А уж если заимел друга – береги его, держись за него. Но нет

ничего страшнее, как потерять друга. Ведь с потерей друга теряется и вера в человека. А без веры в человека и жить нельзя. Тогда и лечить человека не захочется. Зачем? Для какой цели?..

Я старался его успокоить:

– Теперь всё станет на место: надо только обратить больше внимания на собственное здоровье. Систематически лечиться, съездить на курорт, отдохнуть. В случае надобности я готов предложить вам свои услуги.

Он был явно растроган вниманием, и лицо его озарилось приветливой, светлой улыбкой.

– Я хотел бы пригласить вас к нам в клинику, посоветоваться относительно больной девочки, уточнить диагноз и решить вопрос об операции, о которой вы уже давно писали. Может быть, вы согласитесь сделать её у нас как показательную?

Я согласился, и мы дружески расстались.

Идя к себе в гостиницу, я всё время думал о профессоре Гафили. Он мне нравился своим бережным отношением к больному, своей человечностью. Несмотря на такие переживания, он не обозлен, по-прежнему с любовью и заботой говорит о людях.

Вот, думал я, несправедливость отступила. Человек оправдан. Но кто вернёт ему здоровье и силы? И думалось мне ещё о том, как нередки у нас случаи бюрократического бездушия, преступной волокиты, наносящей ущерб и делу, и здоровью человека. Вот хотя бы и в этой истории. Ужалили человека, надломили здоровье – и ничего, будто бы так и надо. Никто не наказан, даже упрека никому не сделали, а человек надломлен. И какой человек!.. Да будь он здоровым, жизнерадостным – тысячам людей он подарил бы здоровье, трудоспособность, а иным и жизнь!..

Мне особенно понравилось, что профессор Гафили был спокоен, сдержан в суждениях, сохранял деловитость.

Отсутствие самонадеянности, цельность характера – это черта сильного, благородного человека. Мне было приятно сознавать, что мы оказали помощь именно такому человеку.

Сдержанность в суждениях и поступках, склонность к самоанализу, иными словами – отсутствие самонадеянности вообще прекрасное достоинство человека, хирургу же оно просто необходимо.

Как мы условились с профессором Гафили, на следующий день я пришёл в клинику. Мне показали девочку двенадцати лет, у которой с детства кашель с мокротой. У неё поражены нижняя и один сегмент верхней доли левого лёгкого. Требуется довольно деликатная операция. Надо удалить нижнюю и часть верхней доли. Остальная доля здорова, и её требуется сохранить. Эту операцию я делаю с 1948 года и не раз об этом писал. Но она как-то плохо прививается в клинической практике – очевидно, из-за её большой сложности.

Больная была подготовлена к операции, и мы решили провести её, не откладывая.

Подавала мне операционная сестра Таня. Видно было, что она волновалась, но работала четко и быстро. Даже привыкший к слаженным действиям своих сестёр, я не мог не обратить внимания на быстроту и точность её движений.

После операции, которая прошла без осложнений, я спросил у Тани:

– Вы не собираетесь стать врачом?

– Да, хочу поехать в Ленинград и поступить в институт.

– И хорошо. А пока будете готовиться к поступлению в институт, можете поработать у нас в клинике. Место найдется.

– Большое спасибо за приглашение. А завтра приходите к нам в гости, – неожиданно для меня заключила она, смущаясь. – У нас будут врачи, сестры.

Мы согласились пойти вместе с профессором Гафили.

Вечером, оставшись один, я долго бродил по набережной. Перед глазами у меня был профессор Гафили. В клинике я видел, как он относится к персоналу и к больным и как к нему относятся люди. Он был со всеми приветлив, мягок. На сотрудников ни разу не повысил голоса. Это очень показательно. На младшего закричать не нужна большая храбрость. Повысить голос на того, кто от тебя зависит и не может тебе ответить тем же, – показатель распущенности, отсутствия самоконтроля и уважения к себе.

Больные его любят. Это видно по тому, с какой теплотой они о нём говорят и доверчиво идут к нему на операцию. Его авторитет очень велик. Некоторые пришли в клинику специально посоветоваться с профессором Гафили. И поступят они именно так, как он им скажет. Это несомненно!

Думал и о Тане. Она произвела на меня хорошее впечатление.

5

На вечере у Тани мне представили Юрия Нахватава, молодого и, как мне сказали, подающего большие надежды врача.

Таня дружила с Юрием.

Позже Таня рассказала мне некоторые подробности о своей дружбе с Юрием. Они познакомились в клубе на лекции «О любви и дружбе». Таня вместе с подругой пришла немного пораньше и села в первом ряду. Вскоре рядом с Таней сел молодой человек. Он был хорошо одет, с военной выправкой и, не представляясь, заговорил с ними. Спросил, как они понимают любовь в современных условиях.

– А вот мы послушаем лектора. Он нам расскажет, – смеясь, ответили подруги.

– Я могу вам сказать и без лектора: в современных условиях любви никакой нет. Я постарше вас, на себе испытал: сегодня ты вроде любишь, а завтра посмотришь – и нет её, этой любви.

Девушки с удивлением посмотрели на незнакомца, но ничего не ответили. Начиналась лекция. Лектор в увлекательной и интересной форме рассказал о большой любви, которая нередко начинается с дружбы и продолжается всю жизнь.

Он приводил примеры хороших и плохих отношений между юношей и девушкой и настойчиво предостерегал от безрассудного растрачивания своей молодости, от пороков, от легкомысленных поступков, за которые приходится расплачиваться не только молодостью, но и всей жизнью.

После лекции молодой человек пригласил Таню танцевать. Поинтересовался, как её зовут, и сам назвал: Юрий, врач-хирург.

– Итак, Танюша, какого же вы мнения насчёт вечной любви? – спросил он.

– Есть такая любовь! Должна быть. Только для этого надо по-настоящему любить, – с жаром ответила Таня, – чтобы были общие интересы, причём наполненные глубоким смыслом и направленные на большие дела.

Юрий слушал, снисходительно улыбаясь. Потом сказал:

– Не надо громких слов. Вы не на трибуне. Смешно и несовременно. Где вы видели такую любовь? В романах? В трагедиях Шекспира?.. Ныне век электроники и покорения космоса. Любовь? Не смешите!..

Таня вся вспыхнула:

– Если вы не способны на любовь, так не расписывайтесь за других.

И она, прервав танец, пошла и села в сторонке. Юрий последовал за ней. Почувствовав, что хватил через край, постарался обратить свои слова в шутку:

– Моя строгая повелительница сразу же сразила меня. Конечно, я пошутил, чтобы вас испытать. Сам я никогда так не думал.

Однако настроение было испорчено. Таня не захотела больше танцевать и пошла домой. Юрий, провожая её, всячески старался успокоить, затушевать

неприятное впечатление.

Так началось их знакомство. Юрий был к Тане внимателен, заботлив. Но она замечала в его отношениях к другим небрежность и даже надменность. Не было той простоты, к которой она привыкла у себя в семье, не было скромности в его словах. Наоборот, он часто и много говорил о себе, откровенно расхваливая свои достоинства.

Однажды Таня не выдержала и сказала ему об этом. Юрий не обиделся.

- Нет, - сказал он, - это не хвастовство, а искренность, отсутствие лицемерия. Я не ханжа, не умею притворяться, и к тому же мне очень хочется тебе понравиться. Разве можно осуждать за это молодого человека?..

Они встречались довольно часто, много говорили о любви, но все как-то абстрактно. Юрий ни одним словом не обмолвился о своих чувствах к Тане. Она же сама не могла дать себе отчёт в том, как относится к Юрию. Есть ли у неё такое чувство, когда она могла бы сказать «люблю»?

После того как я пригласил Таню к себе в клинику, она в тот же вечер рассказала об этом своему другу. Юрий сидел задумчивый, рассеянный, а затем заговорил с жаром, что он не мыслит себе, как останется здесь без неё. Что жизни ему здесь не будет, он должен поехать с ней в Ленинград.

- А как ты смотришь, Таня, на то, чтобы нам пожениться и вместе поехать в клинику? Я бы поступил работать врачом, а ты сестрой. Ты будешь готовиться в институт, я тебе стану помогать.

Для Тани такое предложение было желанным. И она согласилась. Поэтому, когда я пришёл в гости, Таня представила мне Юрия как своего жениха.

Я внимательно и даже с пристрастием посмотрел на него. Высокий, стройный, белокурый, безупречно одетый, в начищенных до блеска ботинках, с военной выправкой, он произвел на меня хорошее впечатление. Военная выправка у него ещё сохранилась, так как он лишь недавно уволился из армии. Трудно сказать, как ему удалось демобилизоваться. Он был молод и здоров. Но на вопрос об этом он не ответил, а укрылся за шутку. С работой у него в родном городе, где жили его родители и где его многие знали, почему-то не ладилось.

Было странно, что он работал то лаборантом, то поликлиническим врачом на полставки, а то на службе «Помощь на дому».

– Мечтаю о научной деятельности, – говорил он мне. – Да здесь же нет возможности для творческой работы. Вот дали мне тему по пересадке костного мозга. Два года я уже этим занимаюсь и не вижу результатов.

Он показал мне записки по своей теме.

– Тема действительно большая и трудоёмкая. Она потребует много лет упорного труда. А то, что вами сделано, – говорю ему, – так это и началом назвать нельзя.

– Вот бы мне в клинику вашу попасть, – мечтательно заговорил Юрий, – я бы показал, на что способен. Вы бы не раскаялись, имея такого помощника.

Последняя фраза насторожила. Но хотелось помочь Тане, да и сам молодой человек мне нравился, и я подумал: если ему помочь, то из него получится неплохой хирург.

– Хорошо бы аспирантом к вам... – сказал Юрий, – я бы под вашим руководством и кандидатскую защитил.

– Дело не в кандидатской, а в знании. Но вообще-то мысль неплохая. Попытаюсь что-нибудь сделать для вас.

С тем мы и расстались.

Приехав в Ленинград, я позвонил в министерство, и мне дали дополнительно одно аспирантское место. Так Юрий пришёл в нашу клинику.

Когда Таня с Юрием приехали в Ленинград, я им помог устроиться. Таня вскоре поступила в институт, но не в медицинский, у нас же продолжала работать на

полставки операционной сестрой, главным образом на ночных дежурствах по «Скорой». Юрий закончил аспирантуру, работал у нас ассистентом.

Я в то время руководил клиникой и был директором Института пульмонологии – Таня работала со мной в клинике, а Юрий в институте.

На первых порах он производил неплохое впечатление. Был расторопен и охотно выполнял всякого рода хозяйственные поручения. Он как-то быстро входил в контакт с различными людьми и многого добивался. Когда нам надо было что-нибудь достать из аппаратуры, он охотно брался за это и ехал с моим письмом в Москву. Его поездки неизменно заканчивались успешно.

Однажды он сумел получить для института исключительно редкий и для нас особенно ценный аппарат.

– Как это вам удалось? – спросил я у Юрия.

– Пришлось прибегнуть к подаркам для девушек, сидящих в конторе. Аппарат был уже адресован в другой институт, но они его переадресовали.

– Это, знаете ли, нечестно – отнимать от другого института.

– Что вы, Фёдор Григорьевич. Хозяин этого института имеет большие связи и при содействии друзей забирает к себе почти всё, что мы приобретаем за золото. Я нарочно зашёл в его институт. Не только лаборатории, у них коридоры заставлены импортной аппаратурой. Многие аппараты стоят в упаковке, врачи жалуются, что у них склад, а не институт. Считают, что от такого института не грех чем-нибудь позаимствовать.

– Всё же, Юрий, я требую, чтобы вы получали только то, что отпускается нам на законном основании, – сказал я строго.

– Хорошо, буду стараться, – весело ответил Юрий, не чувствуя никакого раскаяния в совершённом поступке.

На различных врачебных совещаниях Юрий держался уверенно, безапелляционно высказывая свои суждения, которые могли быть приняты за

эрудицию и опыт. Но меня каждый раз неприятно удивляло его нежелание с кем-то считаться или советоваться.

– А что нам с ним советоваться, – говорил он в ответ на предложение пригласить какого-нибудь специалиста на консультацию. – Что, мы сами не сможем разобраться?

Отрадно желание молодого научного сотрудника самому во всё вникнуть, но я, к сожалению, не следил, как вёл себя Юрий, отказавшись от консультации. Докапывался ли он до истины или оставлял вопрос открытым.

Тем не менее я часто его учил:

– Не надо стесняться приглашать любого специалиста для совета. Это не только не унижает вас, а, наоборот, возвышает. А главное, узнав что-то новое от консультанта, вы в дальнейшем легче разберётесь в подобной ситуации.

– Я не хочу терять авторитет у больных. Они обязательно скажут: «Сам ничего не знает, вот и зовёт себе на помощь».

– Напрасно вы так думаете о больных. Для них хоть сто консультантов пригласите, лишь бы вылечили. Если же вы, не посоветовавшись ни с кем, не поставите правильно диагноза, не поможете больному, вряд ли он вас поблагодарит за такую самостоятельность.

Юрий молчал. И казалось, оставался при своём мнении. Это начинало меня беспокоить.

Однажды на утренней конференции он докладывал о больной, которую назначил на операцию. Я задал несколько вопросов по методике предполагаемой операции и сразу понял, что он к ней не готов и собирается делать заведомо не то, что нужно. Я сделал ему серьёзное внушение и отменил операцию до полной подготовки к ней. На конференции, как всегда, было много врачей, студентов. Юрий, бледный как полотно, покинул зал. Потом выяснилось, что дома, раздраженный, скандалил с женой.

Однако через несколько дней, спокойный и сдержанный, пришёл ко мне с другими вопросами. О случае на утренней конференции он как бы забыл и никогда не вспоминал. Вообще у него не было в привычке переосмысливать и возвращаться к старому разбору. Однажды долго с ним беседовал на эту тему. Он ушёл от меня, не согласившись с моими доводами.

С каждым годом его отношение к товарищам менялось всё резче. Он не проявлял элементарной скромности даже по отношению к врачам много старше его по опыту.

В его отчётах по работе лаборатории, которую ему поручили, он всячески выставлял свои успехи. На сделанные замечания о недостатках отвечал резко.

Несколько раз я вызывал его для разговора по этому поводу.

- Поймите, - говорил я, - скромность и простота - это самые важные качества человека, которые украшают каждого - от простого рабочего до министра.

Он слушал невнимательно и часто вставлял реплики, которые говорили, что мои слова до него не доходят. Я разговаривал с ним, наверное, больше, чем со всеми аспирантами, вместе взятыми, и чувствовал, что слова мои ударяются как о глухую стенку. Я беспокоился, что из Юрия не получится такого хирурга, какого бы мне хотелось иметь, но вопроса о его уходе из клиники не ставил. Может быть, потому, что он по-прежнему ездил в командировки, помогал оснащать лаборатории института нужной аппаратурой. Чего греха таить - клиницисты, да и вообще многие специалисты редко обладают способностями оснастить своё рабочее место необходимым оборудованием. Вся эта организация всегда падает на плечи одного директора или его заместителя, остальные только требуют, а не помогают. А некоторые вообще склонны к иждивенческим тенденциям - могут почти не выполнять необходимой работы и ждать годами, когда им доставят всё готовое, вместо того чтобы это время потратить на организацию производственного процесса.

Юрий был из числа тех немногих, которые могли, что называется, из-под земли достать необходимое оборудование не только для себя, но и для других. Неиссякаемая энергия, напористость и какая-то необъяснимая способность сговариваться с нужными людьми, всё устраивать, всё доставать помогали вновь отстроенному Институту пульмонологии обзаводиться самым современным,

подчас очень сложным и дорогостоящим оборудованием.

Правда, Юрий прежде всего приобретал оборудование для своей лаборатории. При этом говорил: «У нас все же главная лаборатория – другие перебьются. У нас исследуется много детей, без точной аппаратуры мы не сможем ставить предоперационный диагноз...»

Однажды к нам поступил мальчик В. 10 лет с врождённым пороком сердца. Предварительное обследование показало: болезнь настолько запущена, что операция ему уже не поможет. Мы предполагали, что у ребёнка большой дефект межжелудочковой перегородки. Вследствие того, что кровь поступала из левого в правый желудочек, давление в малом круге кровообращения, то есть в лёгочных сосудах, поднялось очень высоко и привело к склерозу их стенок. Если мы в этих условиях и устраним дефект, давление в сосудах лёгкого не уменьшится и ребёнок останется в прежнем тяжёлом состоянии. Риск же очень большой. Такие больные редко переносят радикальную операцию.

Окончательное решение вопроса возможно только после катетеризации, которая сама по себе в этих условиях рискованна и требует не только большой осторожности, но и тщательности при выполнении этой процедуры.

Юрий начал исследование. Не учтя состояния ребёнка, он пошёл на самое сложное обследование, хотя здесь можно было ограничиться и более простым и менее опасным. Он мог бы ввести катетер в сердце через вену и измерять давление только в правых полостях его – для больного так легче. Он же пошёл в левые отделы, а это больные всегда переносят плохо.

В середине исследования у ребёнка началась аритмия, то есть появился неправильный и неравномерный пульс. Молодой врач-нарколог, с тревогой сообщив о резко изменившемся пульсе, деликатно предложила:

– Может быть, нам прервать исследование?

Юрий с раздражением сказал:

– Может быть, вы станете на моё место и будете сами исследовать?

– Я просто хотела вам подсказать... – начала оправдываться доктор, смущённая его грубостью.

– Я не нуждаюсь в ваших подсказках.

Юрий чувствовал правоту наркотизатора, но обозлённый тем, что не он сам это понял, продолжал делать по-своему.

Остановилось сердце... Юрий начал проводить реанимацию – безрезультатно. Ему бы позвать заведующего реанимационным отделением, что в двух шагах от него, или заведующего клиникой, кто тоже располагает на одном с ним этаже. Он этого не сделал, по-видимому, решив, что сам управится не хуже других. Но оживить ребёнка не удалось.

Тяжело мне было смотреть на горе матери.

Врач-наркотизатор, вся в слезах, на другой же день подала заявление об уходе.

– С таким человеком работать не желаю, – заявила она.

При разборе этого дела Юрий спокойно заявил, что на столько-то исследований у нас столько-то смертельных исходов. Вполне допустимый процент.

– Как же вы плохо считаете, – возразил ему один доктор. – Если учитывать все ваши осложнения, они почти в 10 раз выше среднемировых, а оборудование у вас одно из лучших.

– Скажите, Юрий, – обратился я к нему, – а если бы на месте этого мальчика была бы ваша дочь, вы также считали бы, что это законный процент и не позвали бы в случае осложнений ни меня, ни заведующего реанимационным отделением?

Юрий молчал.

– Вот что, – продолжал я, – врачу жестокому и бездушному я не могу доверять больных. Ищите себе место.

Я возвращался домой из клиники с тяжёлым чувством. Где, как и у кого Юрий научился такому бездушному отношению к больным? Я уделял ему внимания больше, чем другим, но цели не достиг. Или здесь мое неумение научить, воспитать, или же гнилая сущность человека, о которую разбиваются любые благие намерения?

Вскоре после описанных событий мне сказали:

– А вы знаете, Таня с Юрием разошлись.

Это было для меня совершенно неожиданно. Мне казалось, что у них все в порядке и они живут счастливо.

Вечером, придя в клинику на вечерний обход и узнав, что Таня дежурит в операционной, я пригласил её в кабинет.

– Правда, что вы с Юрием разошлись?

– Да, правда, – спокойно сказала Таня.

– А в чём дело? Что случилось?

– Да ничего особенного, Фёдор Григорьевич, не случилось. Юрий – неисправимый эгоист. Ему нет никакого дела до окружающих, в том числе и до родных.

– А у вас ведь дочь?

– Дочь осталась со мной.

– Вы что же, поссорились с Юрием?

– Ссоры не было. Отчуждение началось сразу же после свадьбы. По существу, духовно мы никогда не были близки. Не так давно мы разъехались. Я сняла комнату и живу с дочкой. Юрий не захотел разменивать квартиру.

Затем, смущаясь, спросила:

– Вы, Фёдор Григорьевич, наверное, меня осуждаете, что я разошлась с Юрием фактически без серьёзных оснований. Но я не могла переносить этого неумного стремления к сытой жизни. Не могу я так... думать только о себе.

Подумав, она продолжала:

– Вы его совсем не знаете. Он совсем не тот, что представляется вам, хотя и вы уже давно отметили его эгоизм.

Таня постепенно разговорилась. Ей, по-видимому, очень хотелось излить перед кем-нибудь свою душу. Я молча слушал. После операции чувствовал себя усталым, не хотелось никуда идти. К счастью, меня никуда не вызвали.

– Ещё при первом знакомстве у Юрия проскальзывала другая натура – не та, что всем была видна. Для него и любовь – это чепуха, над которой он подсмеивается. Это какой-то странный, бесчувственный человек; для него ничего не значит – ни любовь, ни дружба, ни мать, ни дочь. А обо мне и говорить нечего. Вышло так, что защита диссертации у Юрия совпала с периодом, когда я находилась в родильном доме. Ссылаясь на занятость, он ни разу меня не навестил. Ну скажите, можно ли терпеть возле себя такого человека? Мало этого, но и мать его ни разу не пришла ко мне. Она всё время помогала Юрию. Когда кто-то из хороших знакомых упрекнул её, что вот, мол, невестка рождает, а она про неё и не вспомнит, свекровь ответила: «Невестка ещё родит не одного ребёнка, а мне важно, чтобы Юрий защитил кандидатскую диссертацию». Я её не осуждаю. Она сама несчастна. Не понимает, что говорит. Эгоизм сына, проявленный ко мне, завтра падет на её голову. Юрий не раз уже показывал свою нетактичность к матери, я всегда этим возмущалась. Её слёзы впереди, но, проливая их, она, наверное, не подумает, что сама виновата в воспитании сына. Да он и вас, своего учителя, предаст, если это ему будет выгодно, – добавила она с грустью.

...Таня ушла, а я ещё долго сидел, обдумывая все услышанное. Да, она повзрослела, стала тоньше разбираться в человеческих отношениях.

А Юрий? Откуда у него такое? Казалось бы, из простой рабочей среды. Родители – труженики. Где он набрался этого высокомерия?..

Приведу некоторые подробности из жизни Юрия Нахватова. У Фёдора Ивановича, рабочего табачной фабрики, и работницы ткацкой фабрики Пелагеи Васильевны Нахватовых родился сын, которого они долго ждали. Вся сила любви этих двух людей, проведших жизнь в труде и заботе, была обращена на их единственного ребёнка. И не было такого желания, такого каприза дорогого дитяти, которого бы не исполнили родители. Забота матери часто переходила границы разумного. Едут они в трамвае. Юре уже семь лет. Он учится в первом классе. Учитель на первых уроках говорил об уважении к старшим, учил уступать им место, заботиться о них. Как только входит пожилой человек, будь то мужчина или женщина, Юра соскакивает, хочет уступить ему своё место. Пелагея Васильевна насильно удерживает мальчика на месте: «Ничего, он взрослый, постоит, а тебя могут зашибить». Когда кто-либо из сидящих говорил, что он уже большой, нехорошо останавливать ребёнка в его добрых поступках, мать возражала: «Учите своих детей, а мы как-нибудь сами... обойдёмся».

Родители старались ничем не затруднять сына, ничего ему не поручать. Лишь бы Юрочка был здоров и учился. И он, будучи способным мальчиком, имел хорошую память, учился неплохо. Всегда стремился выдвинуться среди других. И это стремление, конечно, похвально, если оно продиктовано чувством здорового соревнования, жадной жаждой знания и успеха не только своего собственного, но и коллективного.

Дома им всегда восхищались, его постоянно хвалили и подчёркивали, что он лучше всех. В нём с малых лет крепло сознание превосходства над другими, это сознание вошло в кровь и стало затем главной чертой характера, его существом.

На первых порах, ещё маленьким, если он чего не знал, бывало, спросит:

– Мама, я схожу к Васе, спрошу его, как решается эта задача.

– Что ты, Юра, зачем тебе унижаться. Ты что, глупее Васьки, что будешь его спрашивать? Ты его спросишь по пустякам, а он вообразит, что он вообще умнее тебя.

Отец в этом вопросе придерживался других взглядов; оставшись наедине с женой, он говорил: «Что особенного, если мальчик обратится к товарищу за помощью? Вдвоем-то они скорее разберутся. А в другой раз Вася у Юры спросит – так они и будут учиться вместе». На это Пелагея Васильевна отвечала: «Юре ни к чему спрашивать у других. Пусть сам докапывается, а перед другими спину не гнёт».

Муж сдавался перед напором жены, хотя в душе был недоволен таким воспитанием сына.

Юрий и компанию водил только с теми ребятами, кто учился хорошо или чем-то особенным выделялся среди своих сверстников.

С раннего детства родные одевали его хорошо. Он к этому привык и постоянно требовал, чтобы его одежда была лучше, чем у других. Отец не обладал крепким здоровьем, но, чтобы иметь возможность дать сыну как можно больше, часто оставался на сверхурочную работу.

Он занемог, но болезнь отца не произвела на Юрия большого впечатления, во всяком случае, она не уменьшила его требовательности к родителям. Он снисходительно подтрунивал над ними: «Эх вы, старички квелые, изработались на своей фабрике».

Помочь им не старался.

Экзамен в институт он выдержал хорошо. Да и отметки у него были в школе неплохие, хотя круглым отличником, при всём его стремлении к этому, он так и не стал.

Будучи студентом, Юрий старался показать, что он из богатой семьи. Никому не говорил, что его родители рабочие. Любил угощать, особенно если это было выгодно. Не прочь был и сам кутнуть за чужой счёт.

Жил в другом городе, писал родителям письма и в каждом просил денег. Но отец уже совсем не работал, а мать билась изо всех сил. Тогда он перешёл на военный факультет. Здесь форма одежды красивая, полное обеспечение.

По окончании факультета его, сколько он ни старался, не оставили в Ленинграде, а отправили на Дальний Восток. Тут Юрий всерьёз приуныл и решил во что бы то ни стало демобилизоваться.

Отцу к этому времени стало совсем плохо. Он писал, давал телеграммы, просил сына приехать, чтобы перед смертью повидаться. Юрий не приезжал, но решил использовать болезнь отца как повод для демобилизации. И хотя отец уже умер и его давно похоронили, Юрий все бегал по начальству, доказывая, что отец болен и нуждается в помощи.

Юрия демобилизовали.

К этому времени он ещё больше уверовал в свои способности. Юрий приобрел опыт, умел, где надо, показать себя скромным и трудолюбивым.

На службе у него складывались двойственные отношения: с начальством – хорошие, с подчиненными – скверные.

...Но вернёмся к моей беседе с Таней. Того, что я рассказал о Юрии, я, конечно, тогда ещё ничего не знал. И потому, выслушав печальную повесть об их несложившейся жизни с Юрием, почему-то пожалел его.

Назавтра я позвал Юрия к себе в кабинет. Он пришёл притихший и молчаливый.

– Я не знал, что у вас тяжёлое личное переживание. Может быть, этим и объясняется ваше поведение, которое всеми осуждено. Я не хочу добавлять вам горя. Надеюсь, что урок из случившегося вы извлекли достаточный. Поэтому можете оставаться в клинике и продолжать работать.

Он ушёл из кабинета, не поблагодарив. Может быть, решил, что мы им дорожим как специалистом, а его развод использовали как предлог для отступления. Трудно сказать. Во всяком случае, никакого улучшения в его отношениях с больными и товарищами по работе у него не произошло.

Но я всё же не терял надежды на то, что мне удастся сделать из него хорошего хирурга. По-прежнему помогал ему, часто приглашал в кабинет, подолгу с ним беседовал.

Как-то на днях я получил письмо от профессора Гафили. Он пишет, что вскоре после решения нашей экспертной комиссии республиканская прокуратура прекратила его дело «за отсутствием состава преступления». Он работает на прежней должности. Были за эти годы случаи, когда он мог подать на конкурс, но как вспомнит последствия своего первого заявления, так его в дрожь бросает. Подумает, подумает, да и не подаст. Работы у него много, больные его любят. Авторитет его вырос ещё больше.

Пишет, что Заходилов боится ему на глаза показываться. Ему теперь стыдно не только перед профессором Гафили, но и перед соседями. И он, говорят, не раз горько сожалел о своём поступке. Надо было ему как-то обратиться к профессору Гафили, да не посмел.

Старшая операционная сестра также вынуждена была уйти из этой клиники, а в другое хирургическое отделение её не взяли. Считают ненадёжным человеком.

Есть в письме и такое место:

«Это хорошо, что Вы устроили судьбу Тани, помогли ей с учёбой и работой. Я всегда высоко ценил её достоинства как операционной сестры и как человека – уверен, что медицина в её лице приобретет серьёзного и полезного работника. В то же время хотел бы предостеречь Вас от её мужа, Юрия Нахватова. Я узнал, что он при Вас стал близким сотрудником и Вы ему во многом доверяете. Не в моих правилах чернить людей, порождать ссоры и неприязнь, но в данном случае я исполнен желания уберечь Вас от будущих горьких разочарований, которые – и я в этом убеждён! – непременно наступят у Вас по отношению к Юрию Нахватову. Он груб и нечестен, завистлив и неблагодарен, то есть обладает как раз теми качествами, которые не украшают любого человека, а хирургу просто противопоказаны. Вы сделали для меня много добра, и я бы очень хотел, чтобы Ваши благородные дела ничем и никем не омрачались. Не доверяйте Нахватову, держитесь от него подальше – это Вам мой дружеский совет».

Прочитав письмо, я подумал: «Нахватов, конечно, не сахар, но не так уж безнадёжно плох. Впрочем...»

Вспомнил ситуации, когда дурные свойства врачей, и особенно хирургов, приводили или могли привести к трагическим исходам. Особенно необходима в нашем деле честность. И это понимают все, кто хоть как-то соприкасается с хирургией. Был такой случай. По каким-то причинам операционная сестра не успела простерилизовать операционный материал. А когда хирург потребовал его, она побоялась сказать, что он нестерилизован. Это грозило смертельным исходом больному и строгим наказанием не только сестёр, но и самого хирурга.

Каким-то чудом всё обошлось благополучно. Сестра же, пережив этот случай, призналась во всём и подала заявление об уходе.

А грубость?..

Некоторые хирурги – даже известные! – во время операции кричат на своих помощников, в том числе и на женщин. Оскорбительные эпитеты слетают с их губ в адрес врачей, беззаветно отдающих себя тому делу, которому служит хирург. Некоторые оправдываются: «Работа нервная». Или: «Слишком велико бывает напряжение».

В одной из зарубежных клиник в предоперационной я увидел плакат: «Ваш характер никого не интересует. Оставьте его при себе!»

Прочитав его, я подумал: «Как хорошо, что здесь висит этот лозунг. В самом деле, почему это товарищи по работе и подчиненные должны видеть и терпеть невыдержанность характера того или иного работника? И неплохо бы такое объявление иметь во всех учреждениях, где сотрудники, чаще всего начальники, забывают, что они не в своей вотчине. На службе каждый человек должен быть выдержанным и спокойным».

Николай Николаевич Петров, наш крупнейший русский учёный и хирург, писал, что за течение операции ответствен хирург и он за всё в первую очередь должен спросить с себя. Не хватает нужного инструмента – значит, ты перед операцией не проверил. Плохо помогает ассистент – значит, ты его вовремя не научил. И так во всём.

При хорошем отношении к делу у хирурга не будет оснований ругать, а тем более оскорблять своих помощников. Он будет предъявлять больше требований

к себе, с бо?льшим уважением относиться к своим помощникам, и тогда он вправе рассчитывать на правдивость и честность в работе с их стороны.

Глава II

1

Товарищ Юрия Нахватава по работе Дмитрий Гусев едва помнил своего отца. Тот погиб на фронте, защищая Родину. Мать Дмитрия, Анна Ивановна, не вышла замуж – не хотела приводить в дом отчима – и всю нерастраченную любовь и нежность отдала своему сыну. Работа отнимала у неё много времени, и растить и воспитывать ребёнка одной ей было трудно.

Дима рос бойким и смышленным мальчиком. Учился хорошо, но часто отвлекался от уроков. То займётся купленным матерью конструктором, и его не дозовёшься ни к обеду, ни к ужину. То начнёт рисовать, и тогда только давай ему бумаги; а то увлечётся книжками про путешествия, и Анне Ивановне стоит немало труда, чтобы отвлечь его от книги и заставить учить уроки.

Его выручали природные способности, быстрая сообразительность и цепкая память. Поэтому он часто радовал мать, принося хорошие отметки. Среднюю школу закончил хорошо, без труда поступив в медицинский вуз, закончил его с отличием, что дало ему возможность сразу же по окончании института поступить в клинику клиническим ординатором. После прохождения курса мы оставили его ординатором при клинике. Он довольно быстро освоил нашу медицинскую аппаратуру, которая с каждым годом становилась все сложнее, а специалистов-инженеров в штате клиники не имелось. И если бы не Дима, многие из наших аппаратов стояли бы без действия.

Анна Ивановна не могла нарадоваться на своего сына, справедливо считая, что во всех его успехах заложены её труд и бессонные ночи. Её беспокоили лишь два момента.

Первое, что Дима, взяв тему диссертации, над ней не работает. И второе – Диме уже под тридцать, а он и не заикается о женитьбе. А ей так хотелось бы помянуть внучат.

Все её мысли были о Диме...

– Он совсем о себе не думает. Случись что со мной, как он будет жить без меня?! – говорила она приятельнице.

Анна Ивановна всегда отличалась неплохим здоровьем и привыкла не обращать на него внимания. Поэтому, когда появились какие-то неприятные ощущения под ложечкой, она старалась не фиксировать на этом внимание, полагая, что это у неё «нервы шалют».

Наконец ей стало невмоготу, и она осторожно, чтобы не напугать сына, сказала ему, что у неё что-то побаливает живот. Дима испугался. Он и сам замечал, что мать побледнела и похудела. Но он так привык, что заботятся только о нем, а ему не приходится ни о ком проявлять заботы, что не обращал на это внимания.

Теперь же, когда Анна Ивановна пожаловалась на боли в животе, он как врач сразу подумал о возможности плохого. И, мысленно сопоставив факты, забеспокоился ещё больше. Потом выяснилось, что первой мыслью его было бежать к профессору и обо всем посоветоваться.

В клинике у нас со времен Н.Н. Петрова был заведён неписанный закон: всех сотрудников и их близких в случае болезни показывать шефу. И он же, если было необходимо, делал операцию. Такое отношение к сотрудникам было естественным. Врачи и сестры, ухаживая за больными, часто перерабатывали, оставались около тяжёлобольных сверх положенного времени, иногда сутками дежурили у них безвозмездно, и поэтому мы полагали, что каждый из сотрудников клиники своим самоотверженным трудом заработал себе право на то, чтобы его проконсультировал и прооперировал сам профессор.

Незадолго до этого у профессора с доктором Гусевым был довольно строгий разговор. Вызвав его к себе, шеф просил отчитаться о работе над кандидатской диссертацией. Оказалось, что Гусев её давно в руки не брал, так как занялся каким-то новым аппаратом.

– Без этого аппарата мы не можем делать операции с искусственным кровообращением. Вся бригада меня торопит, а я никак в нём не разберусь. Вот и отложил свою тему.

– Послушайте, Дмитрий Иванович, – сказал профессор. – Так над темой не работают. Кандидатскую надо писать не более трёх лет. Вы же взяли тему пять лет назад, а у вас и конца-краю не видно.

– Вот сделаю прибор и тогда возьмусь за работу. Обещаю вам.

– Ну смотрите. А то отниму у вас тему и передам другому, – пригрозил профессор шутя.

Весь разговор, хотя и в строгих тонах, был проникнут доброжелательством к молодому доктору. Шефу нравилась его увлекающаяся натура, нравилось, что он совсем лишен тех меркантильных соображений, которые толкают иных врачей поскорее написать кандидатскую, чтобы получать большую зарплату. Гусев же больше думал о текущих делах в клинике, чем о собственном благополучии. Однако строгий тон разговора Дмитрий Иванович воспринял как недовольство им, и, когда Анна Ивановна сказала ему про свою болезнь, он не пришёл к шефу, чтобы проконсультироваться, а, встретив Юрия, высказал ему свои опасения и сомнения.

– Хочу посоветоваться с шефом, да не знаю, как пойти к нему. На днях так меня пробирал за мою диссертацию...

– И не ходи к нему. Я уверен, что он тебя не примет, он тобой недоволен и раздражен, – подлил Юрий масла в огонь.

– Как же быть? Ты знаешь, у мамы боли в подложечной области, а она всё молчала. Я давно замечал, что она плохо выглядит и похудела. Но она ничего не говорила, и я её не спросил. А сейчас вижу, что у неё какая-то нехорошая бледность. Боюсь, не опухоль ли. Может быть, придется делать операцию. Я хотел бы попросить шефа.

– Ну уж сразу и операцию. Пойдем к доктору Синицыну.

– Но ведь он же редко оперирует, все больше занимается хозяйственными вопросами. Как же ему доверить мать?!

– Зачем ты говоришь об операции? Давай сначала ставить вопрос о госпитализации и обследовании. А это как раз по его части. Кроме того, ты же знаешь, он оперирует на желудке...

Обследование, проведённое в клинике, показало, что у Анны Ивановны рак желудка. Нужна была большая операция. Дмитрий Иванович опять пошёл советоваться к доктору Нахватову, полагая, что тот искренне желает ему помочь. На самом деле Юрий хотел показать, что можно и без профессора сделать хорошо. Доктора Сеницына он попросил об этой больной шефу не говорить. Между тем сам доктор Сеницын давно хотел сделать большую операцию и тем самым утвердить свою репутацию как высокоопытного хирурга.

Не проявляя серьёзного интереса ни к хирургической, ни к научной деятельности, Сеницын с завидным упорством защитил диссертацию и старался на хозяйственных вопросах показать себя нужным для клиники человеком.

Ему импонировала просьба Юрия. Он готов был проверить свои силы на большой операции. Мечтал о том, как все заговорят о нём, если мать доктора из клиники поправится. Вся слава достанется ему одному. Юрий его всячески поддерживал. Когда встал вопрос об операции, доктор Гусев решительно заявил, что он пойдет к профессору, своему шефу, и будет его просить.

На это Юрий по возможности спокойно заявил:

– Сходи, но думаю, что это бесполезно. Только вчера у нас был разговор с профессором об Анне Ивановне. Он сказал, что оперировать её не будет, а поручит доценту или кому-нибудь из хирургов.

– А разве он знает, что она лежит в клинике? – удивился Гусев.

– Да, он знает, – решительно солгал Юрий.

– Почему профессор ко мне так относится? Я полагал, он сам прооперирует мою мать. Он же никому не отказывает, – с недоумением проговорил Дима.

О том, что мать Гусева лежит в клинике и ей нужна операция, профессор ничего не знал и был крайне удивлён, когда при обходе реанимационного отделения увидел её уже после операции – резекции желудка, проведённой Синицыным с ассистенцией доктора Нахватава. Операция продолжалась долго, проходила не гладко, и больная была в тяжёлом состоянии. На вопрос шефа, почему её не показали ему перед операцией и не посоветовались, все смущённо молчали.

2

Ложь чаще всего присуща людям самолюбивым, но слабым и ограниченным, нечистоплотным в нравственном отношении. Ложь – это большой изъян души сердца, ибо без нравственной чистоты не может быть никакого чувства собственного достоинства. Благородный человек не унижится до лжи. Но иногда не сказать правду там, где её нельзя говорить, не только не предосудительно, но и благоразумно. В то же время солгать – в любом случае низко и глупо. Умный человек найдёт известные границы, «...по обе стороны которых не может быть ничего правильного» (латинская пословица). Эти границы ничем не обозначены, их может увидеть своим мысленным взором лишь человек честный, умный и смелый.

В сложной ситуации он проявит соответствующую гибкость, чтобы не прибегать ко лжи, ибо среди людей, обладающих высокой культурой, считается, что нет ничего более преступного, более низкого, чем ложь. Как правило, она является порождением злобы, трусости и тщеславия. Человек, пользующийся этим оружием для достижения своих низменных целей, никогда не достигнет желаемого. Временный успех, который ему удалось получить, очень быстро и очень часто кончается позором.

Как-то у нас лежал больной с неясным диагнозом. Это был средних лет мужчина, у которого уже длительное время были боли в области червеобразного отростка. Больного вёл врач Н. Он чуть ли не в первый день безапелляционно заявил, что у больного хронический аппендицит, и собирался на следующий день взять его на операцию. Но заведующая отделением увидела, что симптомы болезни не укладываются в клиническую картину аппендицита. Она предложила отложить операцию и сделать тщательное рентгеновское обследование толстого кишечника. Больному провели исследование, сделали снимки, но рентгенологи в

тот же день заключение по полученным снимкам не дали, обещали написать позже. В день обследования дежурил по клинике Н. Воспользовавшись правами ответственного, он решил прооперировать больного, не дожидаясь заключения рентгенолога. Когда он брал больного, другой врач ему сказал:

- Заведующая отделением не рекомендовала брать больного до рентгеновского исследования.

- Обследование было сегодня утром.

- Какое же заключение?

- Рентгенологи не написали. Но, судя по полученным снимкам, там все благополучно, противопоказаний к операции аппендэктомии у него нет.

- Всё-таки нужно спросить заведующую. Можно ли брать больного, не дожидаясь заключения?..

Н. пошёл в кабинет заведующей. Сестра сказала, что заведующая ушла домой. Н. вернулся и сказал:

- Буду делать операцию.

Тут надо сказать, что у некоторых хирургов существует повышенный интерес, какое-то чрезвычайное желание оперировать. И они с гордостью заявляют: «Я сделал столько-то аппендэктомий!» Или столько-то грыжесечений и т. д. Нередко повышенный интерес к технике операции наблюдается у тех, кто плохо оперирует. Они этим хотят как бы «набить» руку, потренироваться.

Был у моего учителя Николая Николаевича Петрова помощник – уролог М. У него были на редкость плохие хирургические руки, и они сочетались с какой-то патологической страстью делать операции. Он был немолодой, много старше Н.Н. Петрова, но никогда не упускал случая прооперировать больного, особенно если больной лежал в его палате. Много раз больные и их родственники просили меня, чтобы я сделал операцию. Но я был на положении доцента и не имел права брать больных без разрешения врача, ведущего палату. Он же никогда не соглашался на это и обязательно оперировал сам. Я часто ему ассистировал. И

это были для меня поистине мучительные минуты. Душа разрывалась на части при виде его неловких, опрометчивых движений. Нередко вырывал у него из скальпель и спасал больного от неминуемой катастрофы. После таких операций я сам ходил больной и несколько дней вынужден был приходить в себя от этих душевных мук и потрясений. Мне такие хирурги непонятны. Я никогда не «жаждал» делать операцию. Я всегда хотел лишь одного – помочь больному, избавить его от недуга, спасти его, каким путём – это неважно. Если надо делать операцию, я легко иду на это. Если можно сделать все без неё – мне ещё лучше. Я решительно не понимаю хирургов, которые любят делать операции. Не знаю, чего тут больше: неосознанного стремления удовлетворить жажду риска или плохо скрытого желания «блеснуть» хирургическим талантом и тем самым возвысить себя в глазах окружающих. Так или иначе, но в этом стремлении нет главного: заботы о больном, естественной для врача потребности излечить недуг, облегчить страдание.

В нашем случае врач Н. руководствовался именно этим противоестественным для врача стремлением во что бы то ни стало сделать самому операцию. Предосторожности же старших товарищей относил к робости, желанию перестраховаться, тянуть время. Затяжка с операцией его раздражала. Он всё больше укреплялся в намерении доказать свою правоту.

Итак, во время своего дежурства, взяв в помощники студента 6-го курса, Н. стал делать операцию под местной анестезией.

Во время операции установил, что отросток запаян в какой-то конгломерат. Попытки выделить отросток ему не удалось; он нервничал, кричал на своего ассистента, на сестру, на больного, который «дуется и не даёт оперировать», и под конец, видя, что ему не справиться с операцией, вызвал заведующую отделением. Та приготовилась, надела перчатки и, только коснувшись конгломерата, сразу же сказала: «Здесь рак слепой кишки. Надо делать расширенную операцию – удалить половину толстого кишечника. Здесь нужен наркоз и хороший наркотизатор, нужен целый набор инструментов, которые не подготовлены, и их надо готовить и стерилизовать, здесь надо не менее 1-1,5 литра крови – они тоже не подготовлены. Нужен дополнительно хороший ассистент».

Заведующая отделением вызвала старшую операционную сестру, доцента и попросила приготовить все необходимое.

Приехав в клинику, доцент убедился, что над больным нависла смертельная опасность. С большим трудом ему удалось спасти человека.

Я потом много думал над поступком врача Н. Передо мной по-новому предстала вся линия его поведения. Он всегда отличался излишней самоуверенностью, опасной для хирурга категоричностью выводов и суждений, при этом на редкость ленив и малоспособен. Ложь в его характере развивалась от наличия у него этих двух противоположных качеств. Как говорят в народе: не мытьем, так катаньем, не трудом, так обманом.

У нас иногда наказывают не лжеца, а того, кто ему на слово поверил. Нет более порочного метода воспитания, чем этот. Человек обязан верить другому человеку, и тот, который не верит, сам должен рассматриваться как непорядочный человек. Но в то же время лжец всегда должен нести наказание за ложь, где бы и в каком бы виде она ни проявлялась. Справедливое общество нужно строить на полном доверии и в беспощадной борьбе с ложью.

Будучи во Вьетнаме, я был свидетелем такого забавного инцидента. Инженер из одной европейской страны, обращаясь к вьетнамцу Нгуен Ван Хо, сказал:

– Пойдите, пожалуйста, на стройку и проверьте, кончили ли там возить песок.

Вьетнамец пошел, но посреди дороги встретил рабочего стройки Го Хин Лина, который ему сказал, что песок возить кончили. Вернувшись, Нгуен доложил:

– Да, кончили, мне сказал Го.

– А вы сами проверили?

– Да, – отвечает Нгуен. – Проверил, мне Го сказал, что кончили.

– А вы сами видели?

– Нет, не видел.

– Тогда сходите и проверьте сами.

Нгуен был поражён. Среди них услышать от товарища о том, что сделано, не менее надёжно, чем увидеть самому, настолько невероятной для них казалась возможность неправды.

Бывая за границей и наблюдая за обычаями, я в некоторых странах заметил, что там очень часто в строго официальных, в том числе и денежных, документах верят на слово, сказанное даже по телефону.

В Хьюстоне мне был выдан именной чек на 500 долларов. В банке у меня попросили «идентификашн», то есть удостоверение личности. Но мы, приехавшие из России, все свои документы оставляли в Нью-Йорке, в консульском отделе, так как внутри страны паспорта там никто не спрашивает. Я ответил, что у меня удостоверения личности нет. Менеджер задумался. Как же быть?

Я звоню секретарю профессора Де Бэки и говорю: «Вива! Мне деньги не дают, потому что у меня нет «идентификашн». Она сказала: «Дайте трубочку менеджеру». Тот взял трубку, и я слышу, как секретарша Де Бэки ему говорит:

– Это профессор, хирург из России, находится у нас в клинике при Бейлор-университете. Пожалуйста, выдайте ему деньги.

– Хорошо, – сказал менеджер и, не требуя от секретаря даже письменного заверения, по одному телефонному звонку выдал мне наличными 500 долларов.

В Америке, например, берут налог, исходя из тех данных, которые напишет сам клиент. При этом не требуется никаких документов. На чистом листе бумаги клиент пишет весь свой доход, а также тот расход, который не подлежит обложению. Например, на жену и на каждого ребёнка по 600 долларов в год, какую-то сумму на секретаря и другие расходы. После этого клиент подводит итог и ставит свою подпись. С указанной итоговой суммы и берётся налог.

– Но ведь вы можете какие-то доходы утаить и какие-то расходы написать зря.

– Да, конечно, и мне поверят. Но мы этого никогда не делаем. Почему? Если инспектор вздумает проверить правильность моих записей не только за этот год, но и за предыдущие годы и установит, что я какую-то сумму скрыл от налога и преувеличил необлагаемый расход, то с меня: 1) взыщут эту сумму, 2)

взыщут проценты за всё это время, 3) наложат на меня большой штраф и 4) обязательно посадят в тюрьму.

Или, например, у профессора Рандала, онколога из Нью-Йорка, у которого я был гостем, украли машину. Она была застрахована. Он позвонил в страховую компанию, заявил о пропаже, и ему в тот же день выдали новую. Я спросил его: «Но ведь вы же могли сказать неправду?!»

– У нас это исключено. Если страховая компания установит, что я сказал неправду, то с меня: 1) взыщут стоимость этой машины, 2) проценты с этой суммы за всё время, 3) наложат большой штраф и 4) обязательно посадят в тюрьму.

Такое строгое взыскание за ложь очень дисциплинирует людей и даёт возможность в обычной жизни и в деловых отношениях беспрекословно верить сказанному слову.

3

Рядом с правдивостью стоит другое красивое свойство человеческого характера – верность слову, умение выполнять обещание.

Во все века все народы с глубоким уважением относились к данному человеком слову. Нарушение его считалось самым низменным поступком, а человек, тот, кто изменил своему обещанию, считался ничтожным, достойным презрения.

Честерфильд в своих письмах к сыну об элементах нравственности ещё в XVIII веке писал: «Ты, несомненно, знаешь, что нарушить слово – безрассудство, бесчестье, преступление. Это безрассудство, потому что тебе никто потом не поверит, и это бесчестье, а равно и преступление, потому что правдивость – первое требование нравственности, и никто не подумает, что не выполняющий своё слово человек вообще может обладать каким-либо другим хорошим качеством. Поэтому он навлечёт на себя ненависть и от него отвернутся люди». (Выделено мною. – Ф.У.)

Среди русских людей во все века считалось, что нарушивший слово покрывает себя и свою семью позором. Поэтому в среде порядочных людей считалось неприличным брать расписки или письменные обязательства.

А насколько русские люди ревностно к этому относились, показывает следующий факт, описанный Н.А. Некрасовым.

Один зажиточный крестьянин, Ермил Гирин, стремясь помешать купцу-живоглоту купить мельницу, что явилось бы несчастьем для всей округи, обратился на ярмарке к народу с просьбой одолжить ему тысячу рублей, которые он обещал вернуть в следующую пятницу. Так как ни у кого из присутствующих столько денег не оказалось, решили собрать со всех, кто сколько может. Крестьянин брал деньги, но ни списка не составил, ни расписок не давал. В следующую пятницу крестьянин принёс деньги и стал возвращать долги. Каждый подходил и говорил, сколько он одалживал. Столько он и получил. Ни один человек не спросил лишнего. Наоборот, кто-то не спросил свой рубль. И крестьянин долго ходил по ярмарке, призывая получить одолженные ему деньги.

Этот пример показывает, насколько правдив и честен русский народ в своей натуре, насколько обязательен он в выполнении данного слова. Чем воспитаннее человек, чем выше ставит он своё человеческое достоинство, чем благороднее он, тем строже относится к своему слову, независимо от того, кому оно дано.

К сожалению, встречаются ещё люди, которые мало ценят своё слово. А если такой человек окажется во главе государственного учреждения? Ведь в этом случае человек даёт слово не только от себя лично, но и как руководитель учреждения. Тем самым он как бы ручается не одной своей честью, но и честью своего учреждения, честью власти, которую он представляет. Вот почему слово, данное директором или начальником какого-то учреждения, должно быть не менее авторитетно, чем подписанный им документ.

В жизни очень трудно иметь дело с людьми, которые бесцеремонно относятся к своему слову.

Помню, как мы строили клинику. Четыре года напряженной работы всего коллектива – мы всеми силами старались помочь строителям, устраивая субботники и воскресники, – завершились созданием клиники, которая отвечала

элементарным требованиям кардиологического хирургического учреждения. Оставались некоторые недоделки, которые хотя и были не очень значительными, но для персонала клиники служили непреодолимым препятствием к началу работы. Казалось бы, ещё месяц-два, и клинику можно принимать. К сожалению, недоделки оставались, а рабочие уже «перебрасывались» на другой объект.

Я – к начальнику строительства.

– Фёдор Григорьевич, не беспокойтесь. Мы вашу клинику сдадим в срок и в полном ажуре.

Однако срок прошёл, а недостатки остались. Приходят строители, прорабы.

– Фёдор Григорьевич, надо подписать акт о приёме здания.

– Но я не могу подписать и принять здание с такими недоделками!

– Фёдор Григорьевич, обещаю вам, что через месяц все недоделки будут устранены. Вы только подпишите, иначе план не выполним, ребята премии не получат. Они обидятся, не захотят хорошо работать. А примете, мы через месяц подготовим клинику и сделаем её как огурчик.

– Ну нет, товарищи, мы в таком помещении работать не сможем.

Начались звонки с разных сторон:

– Гарантируем: через месяц все недоделки будут устранены, клиника примет должный вид.

Я сдался и подписал акт приёма здания.

Вспомнил свою поездку в Бразилию. Страна очень бедная и отсталая. Там в моем присутствии в столице принимали больницу. Десятиэтажное здание было подготовлено так, что хоть сейчас начинай операцию в любой комнате. Все было в абсолютной чистоте и приведено в готовность. Выключатели вмонтированы так, что стены можно мыть, не боясь короткого замыкания, а чтобы в темноте их

не надо было отыскивать, кнопка светилась, и её легко можно было увидеть. Мы спустились в подвальный этаж. Ни соринки. Ни одной обнажённой трубы. Все они покрыты жаронепроницаемым материалом и пропитаны лаком, а краны краской, так что их можно мыть. Пол всюду имеет закругленные углы. Стены и пол сделаны из такого материала, что легко моются с помощью шланга, и сток воды идеальный, почти не требует применения тряпок.

Мы пришли вместе с администраторами, принимавшими эту больницу. Осмотрев здание, поднялись наверх, который предназначался для жилья нескольких хирургов-аспирантов, прикомандированных на три года. Комнаты со всеми удобствами, с холодильниками, уже стоящими у стен, были готовы для жилья. Но мало этого. Один общий коридор со стеклянной стеной был предназначен для оранжереи. И там уже были посажены цветы.

Разумеется, я ни на минуту не забывал, что нахожусь в капиталистической стране, где все блага создаются для имущих. Может быть, и в этой клинике будут лечить только состоятельных. И хозяева больницы, создавая для них удобства, рассчитывали на свои выгоды. Но почему бы и нам не отделять с такой тщательностью все новые больницы, школы, жилые дома?.. Взяв курс на высокие темпы, мы подчас забываем о качестве, о добротности, о красоте. В годы первых пятилеток у нас был лозунг: «Догнать и перегнать Америку». Мы тогда открыто говорили: учиться у капиталистов, все хорошее перенимать у них!.. Теперь же во многих областях мы догнали и перегнали Америку, другие передовые страны капиталистического мира. Может быть, потому и считаем зазорным учиться у капиталистов. А между тем это неверно. Я часто бываю за границей, вижу там много хорошего – особенно в сферах производственных, технических, научных. Почему бы нам не перенимать у них все их достижения?..

Но что с нашей клиникой?

Прошёл месяц. На объекте ни одного рабочего. Здание стоит, мы работаем в старом. Звоню.

– Да, Фёдор Григорьевич, виноват, немного задержались. Через месяц клиника будет готова.

Прошло ещё три месяца. В клинике за это время не побывало ни одного рабочего. Пошёл я к главному начальнику над всеми строителями.

– Что ж, Фёдор Григорьевич, придется въезжать вам в клинику с недоделками. Когда клиника начнёт работать и будут видны все недостатки, нам будет легче заставить строителей доделать.

– Но нам и так видны все огрехи.

– Все же советую въехать в клинику. Иначе она может простоять целый год. Вы же подписали акт о приёме.

– Но ведь вы же настаивали, обещали. Давали слово.

– Ну знаете... Что было, то было. А вот приняли. Работайте.

Начальник проявлял нетерпение. Получалось, что виноват не тот, кто обманул, а тот, кто поверил. Хорошенькая «философия».

Рядовые строители, конечно, тут ни при чём, а вот руководители их посмеялись над моей доверчивостью, наказали меня за веру в их слово, их обещание.

Как-то я прочитал книгу современного сибирского писателя В. Шугаева «Деревня Добролет». Там тоже описан подобный факт.

Автор спрашивает заместителя директора по хозяйственной части крупного фарфорового завода в Сибири:

– ...И крупные были недоделки?

– ...Почти в каждом цехе... Приёмочный акт изо всех сил сопротивлялись подписывать.

– Плохо сопротивлялись.

– Нет, брат, хорошо... Заставили подписать.

– ...Как можно заставить?

– А вот... вызовут в район или сюда придут: «Товарищи, срок пуска под угрозой срыва... Ваши претензии обоснованы... недоделки можно устранить во время освоения».

Приезжают строители: «Ребята, заверяем, клянемся... Вы только примите».

...Приезжает областное начальство: «Вы подпишите, а строителям никто не собирается спуску давать».

Мы упорствуем... У начальства всех рангов иссякает терпение – грозная атмосфера...

– Отстранить и разжаловать, что ли? – Примерно в этом духе...

– И вы, значит, дрогнули?

– Дрогнули.

– И дальше что?

– Строители на другой день в глаза смеялись: «Ну и губошлёпы, – говорят. – Теперь подождёте, походите».

– И во что же вам эта «дрожь» обошлась?

– На полтора миллиона продукции недодали.

Тот факт, что в нашем примере за спиной лжецов и обманщиков стояли люди, которых поставил народ для того, чтобы они защищали принципы справедливости, невольно вызывает мысли о том, что, по-видимому, в вопросах очковтирательства у нас кое-где заходят слишком далеко. А надо ведь так: «Не давши слово – крепись, а давши – держись», то есть в полной мере отвечать за данное слово вне зависимости от того, кому это слово дано.

Мне было особенно удивительно слышать о таком безответственном отношении к данному слову у сибиряков. Я рос в Сибири и знаю, как там относились к слову: невыполнение его было самым постыдным поступком. У нас в семье даже в

шутку не говорили неправды.

Для благородного, культурного человека сказанное даже вскользь слово является законом. При этом он его считает таким же обязательным, как клятва, и выполнение его считает обычным, само собой разумеющимся делом.

Почти полстолетия я работаю врачом, и у меня не было ни одного конфликта с больным. А если и были жалобы и заявления со стороны больных или их родственников на клинику, то чаще всего это вызывалось нетактичным отношением к больному со стороны того или иного врача. Но и такие заявления были исключительно редки. И это в условиях большого размаха хирургической деятельности, большого числа новых, неапробированных операций, которые нам приходилось делать. А тут ещё и частая сменяемость врачей, проходящих ординатуру и аспирантуру.

Как правило, больные уходили спокойные и часто удовлетворённые вне зависимости от того, сделали ли им операцию или нет.

Тяжёлое чувство неопределённости и беспокойства остаётся у больного, когда ни ему, ни родным не объясняется сущность заболевания, характер предполагаемых или осуществлённых мероприятий.

Я всегда считал, что больной должен принимать активное участие в борьбе за свою жизнь и здоровье.

В самом деле. Человек болен. Он требует лечения. Участие больного в этом лечении – важный фактор, и не использовать его в помощь врачу просто недопустимо. Между тем больной, если он понимает в основных чертах сущность болезни и своё положение, более энергично будет помогать врачам в борьбе с недугом.

Я всегда ставил себя в положение больного. Разве был бы я спокоен, если бы мне сказали: вашу болезнь лечить – дело врача, а не ваше.

Умный хороший врач с глубоким уважением относится к каждому больному. Он никогда не скажет ему неправды. Иногда в интересах больного врач не может сказать всей правды. Но солгать больному бесчеловечно и часто опасно.

Задача состоит в том, чтобы сказать правду, изложить дело так, чтобы у больного остались от разговора не страх и уныние, а вера в благополучный исход.

Правдивость и честность – основа поведения хирурга как с больными, так и с товарищами по работе. Нельзя быть правдивым с одними и лжецом с другими. Как нельзя быть проходимцем и патриотом ни в одно и то же время, ни по очереди. То есть сегодня патриотом, а завтра проходимцем.

Несомненно, что со временем твёрдое слово начальника заменит многие документы и вера на слово поведёт к упрощению в делопроизводстве, к вытеснению бумажной волокиты и бюрократизма.

Кстати сказать, в армии и на флоте свято поддерживается сила присяги.

За всю свою жизнь я видел ложь в разных её проявлениях, и всегда на сердце оставалось от неё тяжёлое, долго не проходящее чувство. И вот что ещё характерно: с ложью всегда соседствует лесть, качество, которое идёт у нас от рабства, от нищеты, нужды и угнетения, от тех времен, когда человек, чтобы спастись от голода, от смерти и унижения, вынужден был прибегать к последнему средству – к лести. В сущности, лесть – та же ложь, но ещё со стремлением добыть для себя и близких своих различные выгоды и привилегии.

В детстве своём и затем в отрочестве, начиная жизнь среди мужественных и сильных сибиряков, я научился ненавидеть всякое проявление рабства, презирал лесть и обман. И может быть, от этих людей, не склоняющих ни перед кем головы и добывающих хлеб праведным трудом, пошло моё уважение к людям смелым и независимым, моё презрение к людям, с лица которых не спадает притворная улыбка. А такие люди встречаются – и нередко. И подчас даже умные почтенные люди не могут установить им подлинной цены, не замечают, как ловко устраивают они свои делишки за их широкой спиной.

Расскажу такой эпизод.

Однажды у меня на даче зазвонил телефон, и я услышал в трубке бодрый и приятный мужской голос:

– Фёдор Григорьевич, позвольте передать вам привет от моего шефа Петра Петровича. Вы знаете, как я вас обоих уважаю, и мне приятно выполнить это поручение.

То был москвич-архитектор, сотрудник учреждения, которое возглавлял мой старый друг, известный архитектор Пётр Петрович. Мне не однажды приходилось бывать в учреждении моего друга, видел я и этого архитектора. Он был высок ростом и, разговаривая, склонялся к нам, неизменно улыбаясь. «Вот приятный человек!» – подумал я, знакомясь с ним. Правда, настораживали его глаза – они не останавливались на одном месте, а всё время куда-то уплывали, но деталь эта, едва пришедши на ум, тут же забывалась. И сейчас, услышав его голос, я живо представил улыбающегося москвича и сказал:

– Где вы остановились? Может, приедете к нам на дачу? Приезжайте, право, посидим за чаем, потолкуем.

Москвич не заставил себя упрашивать, и вскоре всей семьей мы сидели за столом, угощали гостя.

Он, как всегда, был корректен, наклонялся к каждому говорившему, согласно кивал и ворковал грудным низким голосом: «Да, конечно, вы правы, очень мило с вашей стороны».

Он, хоть и неохотно и с оговорками, но рюмки осушал до дна, и очень скоро лицо его, а затем и шея покраснели, глаза увлажнились, возбуждённо заблестели.

Москвич много рассказывал из жизни архитектурной мастерской, давал меткие характеристики и хоть прямо о себе не говорил, но из рассказов его как-то так ловко выходило, что все добрые дела замыкаются на нём и что от него идут все прогрессивные начинания в мастерской Петра Петровича и чуть ли не во всей отечественной архитектуре.

– Вам повезло, – сказал я, увлекшись приятной беседой, – Пётр Петрович большой души человек и авторитет, можно сказать...

– Э-э... – махнул рукой москвич. И глаза его как-то нехорошо блеснули. – Прошло время, Фёдор Григорьевич! Ваш друг Пётр Петрович – вчерашний день архитектуры...

Этой его фразой я был оглушен. Как?.. Это Пётр-то Петрович – вчерашний день? – хотел возразить гостю. Но возмущение было так велико, что мы не нашли никаких слов для возражения, а только переглянулись молча да плечами пожали. Я смотрел на москвича, ожидал разъяснения только что слышанному. Авторитет моего друга был общепризнанным, его даже явные противники признавали, а тут... его сотрудник и ученик!..

Видимо, и гость наш понял, что сболтнул лишнее, лицо и шея его покраснели ещё более. Неловко как-то и виновато заговорил:

– Вы меня правильно поймите: шеф наш авторитет большой, школа его всеми признана, я только хотел сказать, что даже такие авторитеты ныне опровергаются.

– Кем? – спросил я с излишней строгостью. И хотел добавить: «Такими, как вы?.. Но ведь сами-то вы пока ещё ничего не создали...» И хоть возмущение своё против гостя я сдержал, но беседа наша расстроилась, нарушился тот доверительный дружеский тон, с которым все мы сидели за стол. И как ни старался москвич загладить неприятное впечатление от своих слов, беседа не клеилась. А я ещё в душе досадовал и на друга своего, Петра Петровича, который не однажды характеризовал мне в радужных тонах своего сотрудника, расхваливал твёрдость его характера, принципиальность, нетерпимость к проявлениям модернизма в архитектуре, голого рационализма и безвкусицы. «Ну, погоди, – мысленно обращался я к другу, – вот приеду в Москву, расскажу тебе о твоём любимчике».

Но «любимчик» опередил меня, он сам первый рассказал Петру Петровичу о беседе, происшедшей у нас на даче. Только автором фразы «...вчерашний день архитектуры» он выставил меня, а не себя. И когда я приехал в Москву, Пётр Петрович со своей неизменной добродушной шутливостью укорил: «Что же это ты своего старого друга в запас списываешь?..» И, видя моё недоумение, пояснил: «Вчерашним днем архитектуры меня называешь?..» Я был ошеломлён, обескуражен. Овладев собой, сказал: «Змею же ты пригнул у себя на груди. Мерзавец он, этот твой любимчик! И ты в другой раз приветы мне с такими людьми не посылай».

И рассказал, как было дело. Пётр Петрович выслушал меня спокойно. Потом сказал:

– Я, Федя, знал, что ты не мог обо мне говорить такое. Догадывался и о том, что это он меня так характеризует, а потом одумался и начал путать следы. Мелкий человечиска – чего и ждать от него. Недаром из него и архитектор не вышел. В архитектуре как в поэзии: в сорок лет поэта нет и не будет. Так и тут. А ему уже скоро пятьдесят стукнет.

– Мелкий, мелкий, а какого черта за уши его тянешь?.. Он ведь начальник отдела у тебя, в любимчиках ходит. Извини, но я такого у себя в клинике не терплю.

– Знавал я и у тебя одного такого. Помнишь, доцент К.? Ты ведь тоже его за уши тасил, докторскую помог сделать, звание профессора для него добивался. А он как себя показал? Эх, Фёдор! Одинаковы мы с тобой оказались в этом деле. А почему? Да потому, что плохо понимаем людей. Все честные, порядочные люди тихо работают, сидят спокойно, на высокие должности не рвутся. А эти всё перед глазами. Прикидываются хорошими, преданными... А доверься им, они тебя же и понесут... А мы обижаемся, что они нас критикуют.

– Критикуй, пожалуйста, но не за спиной.

– А он вот захотел за спиной – нельзя, что ли?

– Можно, конечно, а только не двоедушничай. В глаза и за глаза одно говори!..

– Да уж верно: в должности его не понижишь. Прав А.С. Пушкин, говоря: «Чины не дают ни честности плуту, ни ума глупцу, ни дарования задорному мараке!»

Тут как раз во время нашего разговора в кабинет начальника мастерской вошёл знакомый читателю москвич-архитектор и как ни в чём не бывало склонился учтиво, растянул улыбку до ушей, басисто проворковал:

– Здравствуйте, Пётр Петрович, с приездом, Фёдор Григорьевич! Как доехали?

И, не дождавшись ответа, обратился к шефу. Говорил ему почти на ухо, в чем-то старательно убеждая его, доказывая. И, так же кланяясь, сладко улыбаясь, вышел из кабинета. Мы долго молчали, а затем я сказал:

– Ну ладно, ты обнимайся с ним, а мне его в гости не посылай.

– Я и не посылал его! Он сам тебя нашёл. И в другой раз найдёт. И ты будешь его вином угощать, вареньем собственного изготовления потчевать. И ничего, Федя, с такими не поделаешь. Потому как оружие их – лесть, а против лести редкий человек устоять может.

Да уж верно, лесть – оружие сильное. И люди, пользующиеся этим оружием, у нас ещё водятся. Иногда мы видим человека, который, едва удостоив кивком головы подчиненного, «на полусогнутых» трусит за начальником. Находясь во главе учреждения, такой руководитель заведёт порядок, когда его помощник или заведующий отделом без него не может решить ни одного вопроса. А всё решается так, как подскажет начальство. В угоду ему подчинённый откажется от своего самого «твёрдого» и самого полезного для дела убеждения.

Какого бы ни был человек положения, он никогда не прощает небрежения своему человеческому достоинству, но и проявление к нему внимания, доверия ценит всегда очень высоко. Люди, грубо обращающиеся со своими подчиненными, думают, что они, посеяв страх, поднимут свой авторитет. А ведь те, кто от грубости впадает в страх и в рабское подчинение, – это люди, ничего не стоящие.

Ещё Добролюбов писал, что «кротость, переходящая в робость, и подставление спины есть человеческое явление вовсе не природное, а часто благоприобретенное, точно так же, как и нахальство и заносчивость. И между обоими этими качествами расстояние вовсе не так велико, как обыкновенно думают. Никто не умеет так отлично вздёргивать носа, как лакеи, никто так грубо не ведёт себя с подчиненными, как те, которые подличают перед начальством».

Угодничество – это самый большой враг прогресса. И те, кто его прививает и культивирует, и те, кто угодничает перед начальством, одинаково недостойны и вредны.

К. Маркс на вопрос анкеты, что вызывает у него наибольшее отвращение, ответил: угодничество.

Иногда говорят: и рад бы проявить самостоятельность, да атмосфера в нашем учреждении не позволяет.

Да, конечно, бывают такие обстоятельства, при которых смелое суждение, достойное поведение сильно затруднено. И всё-таки, если вы настоящий человек, вы всегда и останетесь таковым. Люди же, порождающие атмосферу угодничества, криводушия, совершают преступления, за которые рано или поздно приходит расплата. Ведь даже слабый человек имеет свою гордость. Принуждённый к лести и криводушию, он чувствует себя униженным и пресмыкается до поры до времени. И как бы человек ни был низок душой, он человек и никогда не забывает этого своего высокого звания. Придёт час, и он разогнет спину и выместит на обидчике все прошлые унижения. Взыграет в нём душа человека, поднимется гордость.

В повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» есть место такое – Тарас перед боем обращается к воинству своему:

«Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные мёды их. Перенимают чёрт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который жёлтым чоботом своим бьёт их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснётся оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество!»

Русский характер извечно славился свободолюбием, неприятием лжи, криводушия. Новый же строй жизни, демократический дух отношений в социалистическом обществе скоро полностью приведут к преодолению таких уродливых пережитков старого мира, каковыми являются лезть и угодничество.

Хотелось бы пожелать нашему молодому поколению: живите гордо и красиво, не склоняйте головы перед глупостью и подлостью – высоко несите звание человека! Ведь вы внуки тех, кто совершил Октябрьскую революцию, дети героев Великой Отечественной войны. Ваш старший брат Юрий Гагарин первый

среди людей преодолел магнитные оковы Земли и положил начало освоению космоса. Помните же, какую вы честь наследуете!..

Однажды я получил письмо:

«Здравствуйте, уважаемый Фёдор Григорьевич!

Я прочитала Вашу книгу «Сердце хирурга». Я читала её в каждую свободную минуту и особенно обратила внимание на 95-ю страницу, где Вы так хорошо сказали, как надо чутко относиться к больным и даже к родственникам больных. Я неоднократно плакала, читая книгу. Почему же я Вам пишу? Я даже не знаю! Просто хочу излить свою горечь и поделиться как с человеком, имеющим доброе сердце. Меня постигло большое несчастье. 30 сентября 1974 года в нашей районной больнице умер мой муж. Я его доставила в больницу 29 сентября на «Скорой помощи». Он сам вошёл в машину, сам сошёл с машины, был совершенно трезв, давление при измерении было 140. Возраст его 33 года. Он был очень крепкого телосложения, летом загорал. Но вот у него начался приступ, он жаловался на сильную перепоясывающую боль в области желудка. В нашей больнице ему ввели по прибытии 1,5 литра физиологического раствора, потом снова физиологический раствор, но состояние мужа не улучшилось. На следующий день утром у него плохо прослушивалось давление, он жаловался на судороги в пальцах рук, холодел. Голова кружилась. Он уже не мог подняться с койки. Всю ночь не спал. Поставили ему диагноз: алкогольный интоксикоз, алкогольный психоз. Да, накануне мы были с 5 до 8 вечера на свадьбе, где он выпил, а 29 сентября муж спиртного в рот не брал. До 30 лет он вообще не пил вина. Внимания врачи ему не уделили, лишь медицинская сестра вводила физиологический раствор. 30 сентября вечером сестра по неопытности ввела ему в вену большую дозу новокаина. Муж проговорил: «Я что-то пьянею» – и потерял сознание, затем вскочил и перебежал на противоположную койку, у него расстроился желудок. И вот дежурный врач В.С. стала его лечить против алкогольного психоза. Дали таблетку, сделали укол и дали полстакана жидкости – все против психоза. Состав лекарств мне неизвестен. Не посоветовавшись со мною, врач В.С. вызвала милиционера, и мужу надели наручники как сумасшедшему. Волоком его потащили в машину «Скорой помощи» – на глазах у всех больных. В наручниках врач В.С. додумалась везти мужа в психиатрическую больницу за 70 километров, а ключи от наручников увезли в милицию. После одевания наручников мужу в машине стало совсем худо. Он кричал со слезами

на глазах: «Я задыхаюсь, я задыхаюсь, снимите наручники!» И тут же мёртвый упал у моих ног в машине. Машина стояла у больницы, ещё не успела даже отойти... И вот при вскрытии трупа судебно-медицинской экспертизой оказалось, что у мужа был приступ острого панкреатита с некрозом поджелудочной железы и перитонитом.

Вот от чего он погиб во цвете лет!..

Уважаемый Фёдор Григорьевич, мне очень горька эта обида. И передо мной как перед женой не извинились... А мне только говорят: мужа бы операция не спасла, всё равно его нечем было лечить. Алкогольный психоз и белая горячка лечатся одинаково, как и острый панкреатит. Уважаемый Фёдор Григорьевич, прошу Вас убедительно, напишите мне всего две строчки, так ли это?..

Извините меня ещё раз. Не решалась Вас побеспокоить, думала, меня поймут.

С уважением к Вам М.З.».

Долгое время я находился под впечатлением этого письма, не зная, что и как ответить женщине. Оправдывать врача у меня рука не поднималась. Дополнительно обвинить его – это значило вызвать в сердце женщины дополнительные страдания. Между тем о характере его болезни я не мог судить на основании одного письма, не зная протокола вскрытия. Известно ведь, что больные с некрозом поджелудочной железы могут погибнуть в любой квалифицированной клинике при самом правильном, современном лечении.

Следовательно, не в смерти больного виновата врач В.С., а в том бездушии, которое она проявила к больному.

Я написал женщине письмо, стараясь успокоить её, сказав, что своими терзаниями она мужу не поможет, что она должна подумать о себе и детях.

Обычно бывает так: ответишь и вроде как будто снимешь со своих плеч тяжесть. Но в этом случае я хоть и отослал письмо, но тревога в сердце оставалась. Я отлично понимал, что горе у женщины безутешное, и у меня всё время держалось чувство досады на врачей и на медицинских администраторов,

которые в этом печальном эпизоде, очевидно, во главу угла ставили заботу о престиже, чем желание помочь женщине. Ведь если бы кто из местных врачей или руководителей поговорил с ней тепло, душевно, разъяснил всю тяжесть болезни мужа, извинился бы за ошибку, за грубость – такое участие облегчило бы её страдания и ей не потребовалось бы обращаться ко мне с письмом и искать у меня сочувствия.

Как часто больные и их близкие страдают не только от незнания и невнимания врача, но ещё больше от его бездушия, от нежелания выслушать больного, внимательно расспросить родственников. Куда проще и легче приклеить больной ярлык «истеричка» или, как в данном случае, «алкогольный психоз» и оттолкнуть от себя, надев ещё и наручники.

Как любят некоторые невнимательные и малоэрудированные врачи прикрывать своё незнание и нежелание разобраться в больном такими терминами, как «нервное» или «психическое» заболевание, которое, как они полагают, снимает с них ответственность и освобождает от многих хлопот.

Прочитав письмо, я не знал, чему больше удивляться: чёрствости или безграмотности двух врачей провинциальной больницы.

Бросается в глаза отсутствие у этих врачей веры больному. Они бы хоть подумали: зачем больной будет зря говорить? Если он жалуется на боль, не отмахивайся, а проверь и подумай, отчего она может быть.

Больной на второй день после обильной еды и выпитого вина жалуется на опоясывающие боли в животе.

Это же каждый студент знает, что здесь надо подумать о панкреатите! У больного слабый пульс, падает давление, он теряет сознание от ошибочно введенного внутривенно новокаина. Врач, вместо того чтобы исправить ошибку сестры, надевает больному наручники!

Да, бездушие – страшная вещь! Бездушный человек не может работать врачом! Но разве только врачом не может работать черствый человек?.. Нередко мы встречаем таких людей в своей повседневной жизни! Откуда они берутся, эти люди? Кто их воспитывает такими?..

Часто на обходах и на консультациях мой учитель Николай Николаевич Петров говорил помощникам: «Учтите, что к нам идут не ради удовольствия. К нам идут люди, отягощённые недугом. Они знают, что у хирурга они могут получить исцеление только через операцию, а это значит, как правило, боль, дополнительные страдания и даже угроза смерти от самой операции. Как бы нежно и заботливо хирург ни подходил к больному, все это остаётся. Оно только уменьшается, смягчается, но всё равно остаётся».

Когда я повторяю примерно то же, мне иногда возражают:

– Вы упускаете из виду, Фёдор Григорьевич, что сейчас не прежнее время, теперь почти все операции делают под наркозом.

– Нет, я ничего не упускаю. Знаю, что операция может пройти безболезненно. Но возьмите вы подготовку к операции. Сколько раз больного уколют, прежде чем он уснёт. А ведь как, какими руками уколют? Я видел нередко слёзы на глазах у больных, когда неумелые руки врача пытались сделать обычное вливание. А чего стоит человеку ожидание операции – тревожные думы, сомнения? А после операции?! Недавно мне самому делали операцию под наркозом. Действительно, я ничего не ощущал, но, когда проснулся, я почувствовал такие нестерпимые боли, что тут же приказал сделать себе укол морфия внутривенно. А больной-то приказать врачу не может, он может только стонать и просить, и смотря, на какого врача попадёт. Не на всех эти просьбы и стоны действуют.

Я отлично на себе испытал, что значит «безболезненные» операции под наркозом. И это при условии бережного отношения к больному. А если со стороны врача нет такого подхода, то страдания больного удесятятся. Вот почему я не устаю повторять: к нам идут не для удовольствия. К нам приходят люди со страданиями, и наша задача их облегчить, но не отталкивать больных от себя – мы, мол, этого не делаем!.. На такую отговорку вполне логичным будет вопрос:

«А почему не делаете? Почему одни делают, а вы не делаете? Ведь те, другие врачи, которые делают, они такое же образование получили, в тех же вузах учились. Так почему же они делают, а вы нет?»

Если уж ты вынужден отказать больному, то делай это не с пренебрежительным видом, как будто геройство совершаешь, а с чувством вины перед больным, с

сознанием, что ещё не научился тому, чему обязан был научиться. И долг твой помочь больному, отыскать такого врача, который лечит, а не отказывать и не отпихивать больного от одного врача к другому, как футбольный мяч.

Как-то в нашу клинику пришла старушка со сломанной рукой. Руку у неё хотели отнимать. Она пришла в клинику и попросилась на приём к профессору.

Женщина рассказала: «Упала и сломала себе руку. Пошла в поликлинику. Там женщина-травматолог стала смотреть, щупать, вертеть руку так, что я от боли кричала и чуть не потеряла сознание.

Гипс накладывал молодой практикант. Делал он это как-то грубо, болезненно, а врач даже не подошла, не посмотрела. Пришла домой, а боли в руке не только не успокоились, а стали хуже прежнего. Всю руку страшно разламывало. К вечеру рука отекала и боли стали нестерпимы.

Позвонила в «Скорую». Там сказали: «Надо терпеть», – и повесили трубку.

Кое-как дождавшись утра, пошла в поликлинику. Врач-травматолог, даже не взглянув на руку, сказала: «Надо терпеть». С тем я и ушла. К вечеру, когда терпеть стало уже невозможно, пошла в больницу, в приёмный покой, и стала просить дежурного хирурга посмотреть руку. Тот как взглянул, так и ахнул. Тут же сам осторожно снял гипс. Оказалось, там уже кожа от давления омертвела. Хирург предложил положить меня в больницу, прямо без направления, потому что от того места, где омертвела кожа, пошло нагноение, воспалились отломки костей. Сейчас, говорят, собираются отнять руку, чтобы спасти жизнь», – вся в слезах закончила женщина.

Профессор набрал номер телефона хирургического отделения больницы. Сообщил своё мнение: «Жизнь больной вне опасности, и руку нет необходимости отнимать». Договорились о ходе дальнейшего лечения.

Так профессор и времени затратил немного, и больной оказал радикальную помощь.

Ехал я в троллейбусе к Московскому вокзалу. Против меня сидела молодая пара: ей лет двадцать, ему – чуть побольше. Они весело болтали, переговариваясь со стоящим рядом молодым человеком из их же компании.

К ним подошла старушка, встала, держась за ручку их сиденья. Молодые люди видели её, но места не уступили. Юноша продолжал весело беседовать, а девушка ещё крепче держала его под руку, как бы опасаясь, чтобы он не встал и не оставил её одну. С соседней скамейки поднялся генерал и уступил женщине место. Все наблюдавшие эту сцену с упрёком посмотрели на молодых людей, особенно на парня. Но ему и трава не расти: он по-прежнему был весел, продолжая разговаривать со своей подругой. Девушку, видно, тоже несколько не волновало, что он не уступил место старушке, в то время как человек пожилой и заслуженный сделал это. Я подумал: «Вот с чего начинается в человеке грубость». И ещё была мысль: «Если бы девушка была умней, она бы встревожилась. Но её, по-видимому, не занимали высокие материи, она была счастлива, и больше её никто не интересовал».

Большую ошибку делает эта девушка, прощая своему другу, может быть, жениху, бездушие к окружающим. Поступив так сегодня с посторонней женщиной, он завтра поступит точно так же с её матерью, а послезавтра и с ней самой. Потом она будет искренне удивляться, почему он к ней так изменился, ведь раньше был такой внимательный. А того не понимает, что он и раньше был таким, да только она не замечала в нём дурных качеств, была ослеплена любовью и бездумно прощала его недостатки – они казались ей невинными.

Грубость – это бескультурье, пробел в воспитании. И нередко женщина – мать, сестра, жена, претерпевающая грубость от мужчины, близкого ей человека, не задумывается над тем, что и сама повинна в отсутствии у мужчины вежливости и такта. Человек не рождается грубияном, хамство им приобретается, а подчас и прививается. Когда-то мать позволила своему ребёнку проявить грубость, а сестра, невеста, наконец, жена благосклонно поощряли грубость близкого человека, проявляемую к другим, и возмутились лишь тогда, когда на себе её испытали. Да поздно! Грубость стала чертой характера, оружием защиты и нападения.

Если бы девушка, как бы ей ни хотелось сидеть с молодым человеком рядом, возмутилась и сама встала, демонстративно показав его невоспитанность, он бы запомнил это, может быть, на всю жизнь и в другой раз так бы не поступал.

Зашёл я как-то после занятий в студенческое общежитие, чтобы по просьбе моих молодых коллег рассказать им о работе на периферии. До начала беседы я походил по коридорам, зашёл в некоторые комнаты. Мне понравились дружеская, непринужденная обстановка и товарищеские отношения между студентами, между юношами и девушками.

В то же время мне не нравилось, как некоторые из студентов называют друг друга: Танька, Манька, Ванька, Васька.

Спрашиваю одного студента:

– За что вы с таким неуважением относитесь к этой девушке, почему называете её уничижительным именем?

Около нас остановилось несколько человек, они дружно заговорили:

– Что вы, Фёдор Григорьевич, это всё любя, выражение нашей дружбы и симпатии.

– Странный способ выражать любовь и симпатию. Когда мне кто-то нравится, мне хочется назвать этого человека ласкательным именем: Танечка, Манечка... Ну, если не хотите при других говорить нежные слова, назовите просто: Таня, Маня. На русском языке это звучит так же ласково. Но... Танька, Манька, извините, по-моему, это неуважительно.

– Мы говорим так, а думаем друг о друге с нежностью.

Я не согласился. Сказал, что слова есть выражение мыслей. Как говорит человек, так и мыслит. Пусть даже какое-то время в его сознании происходит процесс подмены одних мыслей на другие. Но этот процесс искусственный, человек не заметит, когда он прекратится, и слова его будут выражать подлинные мысли. Но главное: почему к девушке, которую ты уважаешь и с которой дружишь, надо обращаться уничижительно? Когда человек кому-то симпатизирует или тем более любит, ему обязательно хочется назвать её нежным, ласковым именем. И в русском языке имеются ласкательные имена. Очень нежные и красивые. Наш русский язык так богат, можно избрать так много красивых форм обращения. Зачем же выбирать столь уничижительную? «Девушки и юноши! – сказал я молодым людям. – Не думайте, что это мелочь!

Отсюда начинаются и нежность и грубость! Здесь зарождаются ваш характер, ваше отношение к человеку. Больше того: с таких вот мелочей формируется ваша личность».

Чтобы не сделать из молодого человека, когда он станет мужчиной, хама, мать и сестра, невеста и жена не должны прощать ни малейшей грубости, которая бы оскорбляла человеческое достоинство женщины. Тут нет мелочей. Создается атмосфера грубости между мужем и женой, и это автоматически рождает грубость у детей.

К нам в гости в Ленинград из Иркутска приехала пожилая учительница. Воспитанная в трудовой семье на славных революционных традициях, прекрасно знающая русскую классическую литературу, проникнутая с ранних лет идеей служения народу, она мечтала, когда кончит школу, поехать куда-нибудь в глушь, где никогда не было учителя.

Ей было семнадцать лет, когда она попросила послать её в далекое село. Летом туда добирались только на маленькой лодчонке, а зимой на лошадях. Она была первой учительницей и единственным грамотным человеком в селе. Позднее окончила университет, работала директором школы.

Она мечтала побывать в Ленинграде. Ей всегда казалось, что в этом городе живут какие-то особые люди. И потому в общественных местах боялась сделать неловкое движение. Зайдя в трамвай и увидев, что все места заняты, нерешительно спрашивает кондуктора: «Скажите, пожалуйста, а куда можно поставить чемодан?» – «Ставьте хоть себе на голову!» – ответила девушка, которая по возрасту годилась ей во внучки.

За всю жизнь не слыхала она ни одного подобного слова. И вдруг от ленинградки, вчерашней школьницы, услышать такую, ничем не вызванную грубость?!

К сожалению, на этом не кончились её злоключения. В магазине она заплатила за молоко, а когда получила сдачу, вспомнила, что ей надо купить ещё сыру. Тут же протягивает деньги, а молодая кассирша: «Что вы сразу-то не думаете, что вам надо?!» – «Да я забыла, учтите мой возраст», – извиняющимся тоном говорит учительница. «Много вас тут проходит – всех извинять!»

Два случая. Других не было. Но они оставили тяжёлый след в душе женщины. Она прожила в Ленинграде целый месяц. Побывала в театре, видела окрестности Ленинграда, на каждом шагу встречала образцы культурного и вежливого отношения, что характерно для ленинградцев, но следы тех грубых слов так и не изгладились у неё за всё время пребывания в нашем городе.

Мелкие обиды и бестактности иногда ранят сердце не меньше, чем какие-то большие неприятности. Если же они повторяются несколько раз, то нервная система как бы устает и уже ненормально реагирует на раздражитель.

В одном университете на заседании учёного совета научный сотрудник в своей речи допустил бестактность в адрес уважаемого профессора, с которым до этого у него уже были столкновения. Профессор, выйдя на кафедру, в ответном выступлении сказал несколько слов, упал и умер. Жена профессора присутствовала на учёном совете, она подошла к научному сотруднику и воскликнула: «Это вы убили его!» Научный сотрудник, придя домой, принял какой-то порошок и отравился...

Так трагически закончился конфликт, вызванный всего лишь бестактностью.

Конечно, он произошел в обстановке нервного напряжения, усталости. Стоит, например, человеку хорошо выспаться, и он по-иному оценивает то, что вечером казалось ему непоправимым несчастьем. Отдохнувшая нервная система более правильно воспринимает тот же самый раздражитель. Вот почему русская пословица «утро вечера мудренее» находит своё научное объяснение.

Очень важно выработать в себе способность любые, даже самые крупные, неприятности воспринимать твёрдо, с достоинством, не показывая виду, что у тебя несчастье. Сам настрой человека, его поведение, слова – все может способствовать ослаблению его тяжёлых переживаний. Верно подметил это Иван Саввич Никитин в своей замечательной поэме «Бурлак»:

Непогода ль случится и вдруг посетит

Мою душу забытое горе —

Есть разгул молодцу: Волга с шумом бежит

И про волю поёт на просторе;

Ретивое забьётся и вспыхнет огнём!

Осень, холод – не надобна шуба! —

Сядешь в лодку – гуляй! Размахнёшься веслом,

Силой с бурей помериться любо!

И летишь по волнам, только брызги кругом...

Крикнешь:

«Ну, теперь божия воля!

Коли жить – будем жить, умереть – так умрем», —

И в душе словно не было горя!

Горе-то, конечно, осталось. Но человек своей волей, напряжением мышц отвлек внимание на борьбу со стихией и отвел от себя тяжёлые думы. И горе как бы отступило.

Именно этим и объясняется известный афоризм: «Я не потому плачу, что мне грустно, а мне грустно потому, что я плачу».

Есть люди, которые в самых трудных, невесёлых, а порой и драматических обстоятельствах умеют находить элементы оптимизма и даже смешного и, фиксируя на них своё внимание, отвлекают себя и окружающих от тяжёлых дум.

Сергеев-Ценский в своей эпопее «Севастопольская страда» приводит такой эпизод. Хирург Н. И. Пирогов, проходя мимо барака с ранеными пленными французами, вдруг услышал дружный смех. Он был удивлён, так как обстановка не предрасполагала к какому бы то ни было веселью. Он зашёл и спросил, в чем дело. Оказалось, что француз, у которого оторвало обе ноги, в комическом виде представлял разочарование своего сапожника, который лишился постоянного клиента.

Говорил он это так, что и сам раненый, и все его товарищи, несмотря на свои раны, дружно смеялись.

Несомненно, что у людей с подобным характером влияние отрицательных сторон жизни будет менее сильным, чем у людей с склонностью к пессимизму.

Этим и объясняется, почему при одних и тех же условиях одни остаются здоровыми, у других развивается тяжёлое расстройство нервной системы.

Физические нагрузки снимают нервное напряжение. И если человека неожиданно постигает потрясение, то в этом случае хорошо пройтись быстрым шагом до появления испарины или поколоть дрова, побродить по лесу, походить на лыжах. Неплохо также заняться любимым делом. Я лично, если у меня случается неприятность, сажусь за письменный стол и пишу. Сначала трудно сосредоточиться, но постепенно все куда-то отходит, и ты всецело погружаешься в любимое занятие. Оно настолько отвлекает, что уже через короткое время бывшие «крупные неприятности» становятся мелкими и ничтожными, и ты сам начинаешь удивляться, что они на тебя действовали.

У меня всегда вызывают чувство жалости люди, доставляющие другим неприятность своей грубостью. Это нищие духом люди, люди низкой культуры и небольшого ума. Ведь известно, что умный человек даже глупого не назовёт дураком, глупый же самого умного может унижить, оскорбить и назвать дураком, ибо глупость и грубость – родные братья, можно сказать, близнецы.

Мы, врачи, часто встречаемся с заболеваниями, вызванными грубостью и невниманием других людей. С грубостью надо бороться как с серьёзным и опасным злом.

Мне кажется, что каждому надо начинать с себя. Когда кто-то к тебе обращается, надо прежде всего подумать, что этот человек ничуть не ниже тебя, наоборот, может быть, он и в умственном и в моральном отношении выше тебя. Может быть, завтра тебе придется обратиться к этому человеку. И если ты сегодня ему нагрубил, то какими глазами будешь смотреть завтра, зайдя к нему в кабинет? Если придерживаться правила разговаривать с любым человеком – с санитаром или уборщицей, с министром или с академиком – с одинаковым уважением, тебе никогда не будет стыдно за своё отношение к человеку. Умный, деликатный человек так обращается с другими, как бы он хотел, чтобы обращались с ним в подобной ситуации.

Как-то захожу в кабинет незнакомого мне директора ателье. Подхожу к столу. Сидящий за ним полный, важный гражданин на меня не смотрит, хотя я знаю, что он меня видит. Я стою, но сидящий занят своими бумагами или разговаривает по телефону и на меня никакого внимания не обращает. Выждав некоторое время, я называю себя. Человек на глазах меняется. Его каменно-неприступное лицо озаряется улыбкой. Он встает, здоровается и приглашает меня сесть, хотя перед этим я долго стоял перед его столом. Такой «дифференцированный» подход к посетителям характеризует натуру мелкую, невежественную, из тех, кто не любит и не уважает людей. С пренебрежением относится к человеку, но преклоняется перед званием, положением. А между тем как часто под скромной должностью, за внешним видом «простого» человека скрывается огромное богатство души, кладезь ума и духовной красоты.

Чем выше по служебной лестнице поднимается человек, тем больше у него «возможностей» выявить и развить отрицательные стороны своего характера. Только цельные натуры не поддаются соблазнам власти. Народная мудрость гласит: «Если хочешь проверить человека, дай ему власть в руки». Есть и другая поговорка: «Власть портит человека». Но последняя не совсем точна, ибо власть портит не всякого. Точнее другое изречение: «Власть делает великого человека ещё более великим, а ничтожного ещё более ничтожным».

Величие человека, облеченного властью, прежде всего проявляется в отношении к подчиненным, в заботах об улучшении условий их жизни, о росте своих сотрудников, в первую очередь наиболее трудолюбивых, одарённых. И наоборот: ничтожество власть имущего можно увидеть по тому, как он угнетает близких, чинит препятствия талантам. Ничтожество не терпит умных и смелых, принципиальных и самостоятельных. Такие говорят правду в глаза, не гнут спину, не льстят, разят сатирой пресмыкающихся у ног власть имущего.

Слабый и тщеславный, если он обладает властью, будет нетерпимо относиться к подлинным авторитетам, людям, освящённым славой. Он будет настойчиво бороться с ними, стремясь их обесславить, унижить, оклеветать, а затем и совсем снять их с работы, поставив на их место таких, которые по развитию не выше его самого.

Так и создается уровень учреждения – не выше его руководителя. Явление это распространённое, оно давно замечено народом: «Каков поп, таков и приход».

Когда я был директором Института пульмонологии, к нам в Ленинград приезжало много зарубежных учёных, занимающихся лечением лёгких. Из одной маленькой страны приехало сразу пять учёных в ранге профессоров. В беседах с ними я заметил, что четверо учёных серьёзно разбираются в проблемах пульмонологии, сами производят довольно сложные операции на лёгких, а пятый почти ничего не понимает в заболеваниях, больше интересуется административными делами. Как-то за столом один профессор, кивая на него, сказал: «Начальником нашим будет, вот департамент организуют...» В другой раз мне одному разъяснил: «Свой человек в политических сферах, в начальники его прочат».

Долгое время от этих профессоров я получал письма, с удовлетворением следил, как в своей маленькой развивающейся стране они внедряют советские достижения науки о лечении лёгких. Но потом они перестали писать – сначала один, затем второй, третий... А тут мне вышла поездка в эту страну. И я узнал печальную историю: профессор, ставший администратором, постепенно удалил с поля деятельности видных учёных своей страны. Одного довел до инфаркта, другого заслал в провинциальную больницу. Пусть не маячит перед глазами, не заслоняет его имени. Между тем в стране этой сильно распространены лёгочные заболевания. Ничтожество, пробравшись к власти, не посчиталось со страданиями народа, устранило людей, которыми гордилась национальная медицина, и поставило на их места жалких льстецов, ненужных и бесполезных для медицины.

А.С. Пушкин зло высмеивал тех, кто так беззастенчиво относится к людям, прославленным своими делами. Он писал:

«Уважение к именам, освящённым славою... первый признак ума просвещенного. Позорить их дозволяется токмо ветреному невежеству, как некогда, по указу эфоров, одним хиосским жителям дозволено было пакостить всенародно».

Оружие слабых поражает сильных.

Грубость, жестокость – это орудие людей слабых, никчемных, оно, как правило, своим острием направлено на образованных, умных, добрых, то есть на сильных.

Во время обхода мне показали вновь поступившего в клинику больного, мужчину средних лет.

– Что у вас болит? Когда вы заболели?

Лечащий врач представил мне картину заболевания. Больной в последнее время много работал, часто нервничал. Вчера почувствовал резкую боль в животе – его привезли в клинику.

Прощупывая живот, заметил небольшое вздутие и значительное напряжение брюшной стенки. Надавливание отзывалось резкой болью. Были симптомы, указывающие на раздражение брюшины, что заставляло предположить катастрофу в брюшной полости. Здесь мог быть и острый панкреатит, то есть воспаление поджелудочной железы, а возможно, и прободная язва желудка. Если в первом случае надо быть наготове, чтобы в любую минуту идти на операцию, то во втором её надо делать немедленно. С такими сомнениями врач и заведующая отделением Антонина Владимировна, также очень опытный врач-хирург, обратилась ко мне.

«Посмотрите, пожалуйста, больного. Не знаем, что делать. То ли оперировать сейчас, то ли отложить до утра», – сказала мне Антонина Владимировна. «Я считаю, что надо немедленно брать на операцию, – предлагал лечащий врач. – Как мы будем выглядеть, если прозеваем перитонит и прооперируем больного поздно?» – «Это правда, – согласился я, – опаздывать ни к чему, но нам нужно помнить и другое правило хирурга: «Не тот хирург, кто сделал блестящую операцию, а тот, кто воздержался от ненужной операции». Сделать операцию там, где не нужно, часто не менее опасно, чем не сделать там, где нужно. Поэтому прежде всего надо поставить правильный диагноз. Мне уже сказали, что при волнении у него часто возникали боли, но только в области сердца. Я подумал, что, может быть, и сейчас у него та же картина, только боли отдают не в грудную клетку, а в живот, что иногда бывает.

Я попросил врачей оставить нас с больным одних, сел к нему на кровать и сказал:

– Расскажите, пожалуйста, кто вас вынуждает нервничать, почему у вас болит сердце? Только при этом не волнуйтесь, помните: это нужно для определения вашей болезни.

Некоторое время взгляд больного был устремлён в потолок, потом он посмотрел на меня дружески, доверительно, стал рассказывать. И перед мной предстала следующая картина.

Валентин Петрович Бродин, инженер научно-исследовательского института, часто в ущерб своему здоровью, пренебрегая интересами семьи, работал над созданием новых способов расширения производства бумаги.

По характеру был отзывчивым и добрым. Его уважали и любили в коллективе. Но с начальством он не всегда ладил. Когда учреждением руководил большой специалист, он прислушивался к возражениям Валентина Петровича, понимая, что они продиктованы интересами дела. Но вот этот руководитель вышел на пенсию, и его место занял человек со вздорным характером, применявший метод «жестокое администрирование». Валентин Петрович на первом же совещании высказал свою точку зрения, которая не совпадала с мнением нового руководителя, и получил замечание в грубой форме.

В своём отделе Валентин Петрович не позволял с подчиненными не только грубости, но и повышенного тона. Он ненавидел нецензурную ругань, буквально физически не мог её переносить. И когда начальник на директорском совещании позволил себе в присутствии женщин нецензурную брань, он встал и сделал директору замечание. Директор осекся, промолчал, но злобу затаил. На следующем совещании снова пустил в ход нецензурную брань. Валентин Петрович встал и, ни слова не говоря, вышел из кабинета.

После подобных сцен он часто приходил домой, держась рукой за сердце. Дома заботливая жена, зная мужа, быстро его успокаивала; даст валерьянки, таблетку валидола, и к утру боль в сердце проходила.

По опыту мы знаем, как часто неприятный разговор, сцена в быту, на работе бывает причиной серьёзного заболевания сердца. Ведь оно, беспокойное, на все реагирует. Ему, вечному труженику, до всего есть дело...

В тот день с новым начальством был у Валентина Петровича крупный разговор. Начальник совершенно незаслуженно оскорбил инженера и даже пригрозил, что уволит, хотя Бродину до пенсии осталось работать года два.

Валентин Петрович прекратил разговор и молча опустил в кресло. Он почувствовал резкую боль в животе. Посидев немного, он попросил вызвать такси, хотел ехать домой, но боли так усилились, что он, махнув рукой, сказал товарищу, провожавшему его, чтобы везли в больницу.

Поблагодарив Бродина за откровенный рассказ, я предложил врачам немедленно начать специальное обследование.

Установили, что у больного мелкоочаговый инфаркт. Мы воздержались от операции, чем, безусловно, спасли больного. Потому что любая операция для больного с инфарктом смертельно опасна.

Из этого эпизода видно, что чёрствое отношение к человеку, грубость, бестактность, бранные слова не так безобидны, как могут иногда казаться.

Как правило, расхождение во мнениях, особенно в пустяках, отчуждает лишь мелкие души и совершенно не оказывает влияния на широкую, красивую натуру, на умных, деловых людей, которые подбирают себе в помощники людей инициативных, умеющих отстаивать своё мнение и самостоятельно решать все вопросы. Некоторые «начальники» полагают, что управлять надо «жёстко», держать всех в страхе и подчинении. Но это как раз и воспитывает подхалимов. Настоящий руководитель не нуждается в грубости, чтобы управлять учреждением, и, наоборот, чем вежливее он сам с людьми, с которыми он общается, тем выше поднимается его авторитет и тем лучше работает его учреждение.

Возвращаясь к Бродину, надо сказать, что через полтора месяца он в хорошем состоянии выписался домой. Так благополучно закончился для него конфликт с начальством на этот раз. Но надолго ли он поправился, будет зависеть не только от начальства, но и от него самого.

Надо научиться спокойнее реагировать на всякие раздражители. Кроме того, надо уметь выслушивать мнение других. А если ты возражаешь против мнения другого, если ты с ним не согласен, возражения должны быть учтивыми и

проникнутыми уважением к тому, кого оспариваешь. Независимо от того, разговариваешь ли ты со старшим или младшим по должности или по возрасту. Высказывая своё мнение, вежливый человек обязательно добавит: «Может быть, я не прав, но такие-то факты говорят...» или: «Я не уверен, но мне кажется...», «Я склонен думать, что...» и т. д.

И ни в коем случае не изменять своего тона и не переходить на резкость, если с твоей точкой зрения оппонент не согласится. Надо уметь уважать мнение другого, как бы оно ни расходилось с твоим.

Особенно это надо помнить молодым. Жизнь показывает, что со временем, когда становишься старше или просто опытнее, то, что казалось непреложной истиной и что ты доказывал, что называется, «с пеной у рта», со временем представится в другом свете, и ты посмеёшься над своей наивностью. Соблюдая такт и вежливость, оппоненты обогащаются в споре. Если же проявлять в споре неразумное упрямство или нарушить правила вежливости, то здесь легко перейти к отчужденности и даже к ссоре. Нельзя допускать, чтобы спор и ссора становились бы непримиримыми из-за ненужных вспышек гнева.

В разговорах и поступках очень важно сохранение такта.

В споре он состоит в том, чтобы отвергнуть мнение своего оппонента, не обидев его, и так, чтобы человек почувствовал себя тебе обязанным. А если же тебе не удалось переубедить товарища, собеседника, отнесись спокойно к этому факту, заключи беседу примерно такими словами: «Ну хорошо, ты, конечно, вправе оставаться при своём мнении. Но мне кажется, со временем ты по-иному отнесёшься ко всему тому, что я тебе говорю».

В дискуссии большое значение имеет умение говорить логично, красиво, обладать ораторскими способностями. Но решающую роль играет знание вопроса, эрудиция.

Как-то на заседании хирургического общества был сделан доклад по онкологии. Его делал один из учеников Н.Н. Петрова, работавший под его руководством. В прениях выступал крупный хирург. Он подверг резкой критике какие-то положения докладчиков, и, так как он обладал великолепными ораторскими способностями и говорил красиво и убедительно, казалось, что докладчику не оправиться от такого «удара». Тогда слово взял Н.Н. Петров. Ни к кому не

обращаясь и ни одним словом не опровергая оппонента, он обрисовал дело так, что выступление хирурга выглядело не только неправильным, но и совершенно безграмотным. Все были поражены таким оборотом дела, и оппонент вынужден был тотчас же взять слово и долго и пространно объяснять, что он, по-видимому, неправильно выразился, если его не так поняли, что он совсем не то хотел сказать и т. д. И долго после этого заседания у всех было какое-то чувство гордости за человеческий ум, за эрудицию, против которых оказывается бессильным любое самое блестящее ораторское искусство.

Воспитанный человек никогда не будет безапелляционным в своих суждениях. Чем он больше знает, тем терпеливее относится к мнению других, даже в тех вопросах, в которых он является специалистом.

В своё время, работая на периферии главным врачом больницы, я всегда внимательно слушал, когда кто-либо из сестёр или санитарок давал совет. Нередко бывало так, что какая-нибудь опытная санитарка подскажет тебе то, чего нет ни в каких руководствах.

Некоторые самовлюбленные молодые люди в споре со старшими и более опытными заменяют логику мышления стремлением приписать своему оппоненту «устарелость», «допотопность» взглядов, козыряют своей ученостью и т. д., что особенно наглядно показывает их плохое воспитание.

Плохо характеризует человека также то, если он без уважения отзывается о работе своего коллеги. В этих случаях он больше роняет свой престиж, чем престиж коллеги. Особенно важно ни при каких обстоятельствах не опускаться до грубости, которая очень тяжело ранит самолюбие человека.

Если пуля, выпущенная врагом, может повредить часть тела, то грубое слово попадает в сердце и нередко валит человека наповал.

Многочисленные эксперименты показывают, что отрицательный психологический раздражитель оказывает своё вредное влияние даже на животных. Большой группе крыс вводился никотин под кожу. Под влиянием никотина и вызванного им спазма сосудов наступали глубокие изменения в конечностях. Животные начинали хромать, а затем и совсем не могли ходить. У них появлялись отеки и изъязвления на лапах. Если к этому давалась ещё пища, бедная витаминами, все явления ухудшались, язвы увеличивались, отек

нарастал.

А если к крысам время от времени подпускать кошку, то есть добавить отрицательный психологический раздражитель (страх), появляется такой тяжёлый спазм сосудов, что у большинства животных наступало омертвление пальцев, лапок, хвостов.

Что же надо знать о стенокардии и инфаркте?

К нам в клинику нередко привозили больных, у которых предполагалась какая-то катастрофа в брюшной полости, а на самом деле у них оказывалось больное сердце. Особенно часто врачи ошибались в тех случаях, когда они не расспрашивали больного о том, что предшествовало появлению резких болей. Если боли появлялись после неприятных разговоров, обид, оскорблений, унижений, страха, клеветы, грубости, несправедливости и других психологических травм, надо обязательно подумать о сердце. Не ими ли вызвана эта грозная картина? Ибо сердце раньше других и сильнее других реагирует на неприятности. «Сердце заныло», «не стерпело ретивое (сердце)» и много других выражений у русского народа говорят о том, что этот факт давно уже был отмечен. Среди болезней сердца, которые чаще всего возникают или усугубляются от неприятностей, надо в первую очередь назвать стенокардию, или коронарную недостаточность, которая может закончиться инфарктом.

Сердце, работающее непрерывно, требует усиленной подачи кислорода, что осуществляется с помощью крови, поступающей в сердце через так называемые коронарные сосуды. Мозг и сердце – главные потребители крови. Несмотря на их небольшой объём, они берут более 1/3 всей крови, идущей из сердца, и малейший недостаток в снабжении кислородом этих двух важных органов сразу же сказывается головными болями или обмороком в одном случае, болями в области сердца, то есть стенокардией, – в другом.

Недостаточное поступление крови к сердцу – коронарная недостаточность – чаще всего бывает из-за сужения коронарных сосудов и наблюдается при их склеротических изменениях. Поэтому и коронарная недостаточность чаще случается у людей более старшего возраста.

Изменения в сосудах бывают различного характера: или сосуд равномерно суживается на всем протяжении, или появляются отдельные склеротические

бляшки на стенке сосуда при относительно малых изменениях в остальных её частях. Однако даже одиночная бляшка, прикрывая просвет сосуда и создавая затруднения току крови к сердцу, может вызвать тяжёлую картину коронарной недостаточности. При этом, если просвет сосуда закрывается полностью или происходит разрыв сосуда, наступает ишемия, то есть обескровливание какого-то участка сердца с последующим омертвлением его, то есть инфарктом. Если участок обескровливания большой – инфаркт может привести к смерти больного. Когда же больной поправляется, омертвевший участок сердца замещается рубцом, что обнаруживается на электрокардиограмме.

В последние годы стенокардия и инфаркт наблюдаются у сравнительно молодых людей, у которых при исследовании ни общего склероза коронарных сосудов, ни склеротических бляшек не обнаруживалось. Поэтому не всегда наличие стенокардии говорит за коронаро- или кардиосклероз.

Чем же в таком случае можно объяснить коронарную недостаточность, стенокардию и даже инфаркт миокарда? В настоящее время твёрдо установлено, что вся эта грозная картина может наблюдаться от спазма коронарных сосудов. При этом, если склероз существует, то спазм усиливает коронарную недостаточность, а там, где склероза нет, спазм сам по себе может вызвать всю картину инфаркта до печального исхода включительно.

Отчего же наступает спазм сосудов сердца? От различных хронических заболеваний сердца и сосудов, переутомления, нарушения режима.

Резко сказываются на сердце, вызывая спазм его сосудов, психологические раздражители, переутомление, недосыпание, расстройство нервной системы и особенно курение. Человек, у которого нервная система расстроена и имеет место спазм сосудов, начинает курить больше, чем обычно. А никотин сам по себе – яд, вызывающий тяжёлый спазм сосудов. И хотя закурившему кажется, что ему от папиросы становится легче, на самом деле каждой папиросой он ещё больше ухудшает своё положение, усиливая имеющийся у него спазм сосудов. Большое значение имеет нарушение режима, и в частности нарушение режима питания. Злоупотребление жирной пищей, переедание и полнота приводят к увеличению в крови холестерина и протромбина, предрасполагая организм к развитию склероза, увеличивают возможность закрытия просвета сосуда при спазме.

Вот почему при появлении болей в области сердца надо не только принимать валидол, но и продумать весь свой распорядок дня: режим, питание, отдых. Надо бросить курить и пить, наладить сон, установить более строгую диету, поприимать успокаивающие теплые ванны и провести лечение, способствующее снятию спазма и улучшению питания мышцы сердца.

Сюда входит курс внутримышечных уколов новокаина, кокорбоксилазы, витаминов и т. д. по назначению врача, а главное, необходимо принять все меры к тому, чтобы оздоровить обстановку, вызывающую стенокардию, или выработать в себе устойчивость и умение не реагировать бурно на неприятности. В остром случае, когда возник неприятный факт, который может привести к стенокардии, очень хорошо физическими упражнениями, физическим трудом, ходьбой, прогулкой и т. д. отвлечь своё внимание от неприятных дум. При желании и настойчивости это удаётся.

Глава III

1

Часто отчуждение, а то и вражда наступает в результате мелких ссор и случайных недоразумений.

Есть у меня два хороших друга, известные, выдающиеся артисты, живут они в разных городах. У них много общего: одно амплуа, родственность талантов, взглядов, духовных интересов. На сцене они исполняют роли классических героев. Они и выглядят под стать: высокие ростом, с гордой осанкой, красивые. Природа наделила их большим талантом перевоплощения, да к тому же каждый из них прекрасно образован, много и упорно трудится над проникновением в образ, над ролью. Несомненно, оба они одарены от природы. Но больше обязаны высоким положением в искусстве своему труду, обширным всесторонним знаниям. Я не встречал историка, философа, учёного, который бы так увлекательно, как они, мог бы рассказывать о людях и событиях нашей отечественной истории. Они могут рассказывать, как, в какой обстановке жили

цари, что им подавали на стол, какую одежду они носили, как обращались с ближними и народом. Знают они жизнь простолюдинов, монахов, служивых людей.

Я люблю бывать на спектаклях, в которых играют эти артисты. Много раз я видел спектакли с их участием, но никогда не упускаю случая пойти ещё и ещё и каждый раз получаю большое наслаждение.

Всё бы хорошо, всё нравится мне в моих друзьях артистах, но стал я замечать, что при встречах, в застольных беседах они никогда не говорят друг о друге ни плохого, ни хорошего, хотя, конечно же, знают один другого, учатся друг у друга. Пробовал затевать разговоры с одним о другом – деликатно уходят от беседы, отмалчиваются. «В чём дело? – думал я. – Какая кошка между ними пробежала? Уж не ревность ли к громкой славе товарища, не зависть ли чёрная?.. Но нет, – гнал я от себя эти мысли. – Не могут такие замечательные люди предаваться низменным чувствам. К тому же оба они ничем не обижены: звания носят самые высокие, наградами отмечены тоже высшими. Нет, тут что-то другое».

Окольными путями слышал: недобрые люди их умело ссорят. Одному между делом сообщат: «Твой приятель-то, знаешь, что о тебе говорит? Талант твой на убыль пошёл. Диапазон игры уж не тот, образа не создаешь». Встретив другого, тоже походя обронят: «А твой-то коллега комиком тебя называет». Удивится артист: «То есть как это комиком?» – «А так, – вещает «доброжелатель», – в комедиях, говорит, ему играть, престарелых дам тешить». И капают яда потихоньку, капают. А капля, она, известное дело, камень точит. Им бы объясниться, поговорить... Что это, мол, ты на меня наговариваешь? Лучше уж в глаза скажи. Может, у меня и впрямь нелады с ролью получаются? Тебе со стороны виднее, да ты совет дай, что делать, научи. Нет же, как-то встретились на гастролях, поздоровались, погуляли у всех на виду – дескать, ничего, как видите, дружим, но тепла в разговорах не было, холодок так и сквозил между слов.

Одному из них я как-то сказал в застольной беседе: «Коллегу вашего недавно видел, привет вам передавал. Между прочим, он находит, что за последние два-три года вы сильно развили свой талант. Так и говорит мне: «Талант у него от бога».

Сказал я это между прочим, не придавая значения разговору. И собеседник мой, казалось, оставил без внимания мои слова. Однако, когда, провожая гостя, я довел его до калитки, то он, уже открывая дверцу автомобиля, спросил меня:

- Вы это правду сказали, Фёдор Григорьевич?

- Это вы о чем?

- Насчёт таланта.

- А-а! Ну конечно! Он очень высоко вас ценит! Приятель кивнул мне, улыбнулся. Глаза его блеснули радостью.

- Спасибо, - сказал он на прощанье и уехал. При очередной встрече с другим артистом я применил тот же нехитрый прием.

- Вы вот, вижу, недолюбливаете Н., - начал я издали, - а он к вам очень тепло относится и, я считаю, верно об игре вашей говорил.

- Это любопытно! - вскинулся мой приятель. - А ну-ка, Фёдор Григорьевич, что же он там о моей игре вещает?

- А говорит, игра у вас в последние годы стала душевнее. Раздумчивость появилась, образ лучше раскрываете, замысел драматурга умеете постичь.

Артист оживился.

- Да? - спросил он, недоверчиво глядя на меня. - Неужели? Мне ведь всё время только и говорят, что о его пренебрежении ко мне. Салонный артист, дескать, я, был талант, да весь вышел.

Артист долго молчал насупившись. Потом сказал:

- Спасибо вам душевное за весть такую. Я ведь его, чёрта, вон как люблю, да всё казалось, что он-то меня... Впрочем, ладно. Вот скоро мы встретимся, потолкуем.

Так, применив нехитрый, почти детский приём, «святую ложь» или «ложь во спасение», я не только примирил двух выдающихся деятелей искусства, но и сделал снова их друзьями. Они теперь охотно встречаются друг с другом, обмениваются советами, помогают один другому. И от этого выигрывают не только они лично, но и, смею надеяться, искусство в целом.

Об этом способе налаживания взаимоотношений между людьми мне подсказала моя сестра, Васса Григорьевна. Её назначили директором школы, где был недружный коллектив учителей. Когда она пришла в школу, учителя приходили к ней и жаловались друг на друга, говоря, какая та или другая учительница плохая и как она себя плохо ведёт.

Сестра внимательно, но спокойно слушает, а потом с некоторым недоумением и даже сожалением говорит:

– Вы вот про Марию Ивановну тут столько плохого наговорили, а она только что была у меня и хвалила вас, что вы и умная, и тактичная, и уроки так хорошо ведёте.

Учительница, смущённая, выходит из кабинета.

Так, разговаривая со всеми, сестра постепенно добилась не только прекращения ссор, но и взаимных симпатий между учителями, создав хороший, дружный коллектив.

По-разному люди воспринимают критические замечания. Чем выше интеллект, тем терпеливее человек относится к критике. Образцом в этом отношении может служить А.С. Пушкин. Он писал: «Читая разборы самые неприятные, смею сказать, что всегда старался войти в образ мыслей моего критика и следовать за его суждениями, не опровергая оных с самолюбивым нетерпением, но желая с ним согласиться со всевозможным авторским себя отвержением».

Чем величественнее человек, тем он с большим вниманием относится к критике, самой для него неприятной, потому что его не покидает стремление к совершенствованию. И наоборот, чем ограниченнее способности, тем нетерпимее отношение к справедливым замечаниям, даже высказанным в самой доброжелательной форме.

Обижаться на совет, на сделанное замечание или упрёк могут только неумные люди, ибо обидчивость – самозащита ограниченности. А прибегать к оскорблениям в подобных случаях недостойно человека. Персидская мудрость про таких говорит: «Дурак в словесном споре изнемог, кулак закончить спор ему помог».

Своё достоинство человек сам ставит под сомнение, если он нарушает правила общения между культурными людьми. Так, например, некоторые, желая посмеять других или просто позабавиться, позволяют себе, будучи в одной компании, пересказывать то, что видели или слышали, будучи в другой, высмеивая кого-то или ради смеха извращая слышанное. Такое поведение человека в обществе создаёт ему репутацию болтуна.

Точно так же уважающий себя человек не позволит себе слушать, а тем более пересказывать чужие слова, скрывая говорившего. Со сплетнями дело обстоит так же, как с воровством: укрывателя краденого считают таким же негодяем, как и вора; передающего чужие сплетни таким же сплетником.

Некоторые люди любят говорить о себе и своих делах. Нередко это деятельные, способные люди, которые много делают в своей области. Увлекаясь делом, они с энтузиазмом рассказывают о своей работе, стараясь показать её ценность. Постепенно увлекаются и теряют над собой контроль.

У меня есть хороший знакомый, молодой учёный, несомненно, талантливый и трудолюбивый. Он честный и бескорыстный человек, отдающий всего себя науке. Когда он начинает говорить о своих работах, его слушаешь с удовольствием. Но в течение ряда лет, сколько бы мы с ним ни встречались, он ни о чем другом никогда не говорит, кроме как о себе и своих делах. Он никогда не спросит ни о чем другом, что не имеет отношения к его работе. И в конце концов при всей занимательности темы его надоедает слушать.

Или другой, который начинает с того, что делает мне комплимент, что вот, мол, благодаря мне он так вырос, что теперь добился того-то, сделал то-то, удивил людей тем-то и т. д. Можно долго слушать этого человека, но тема у него одна и та же, по существу, самовосхваление. И, как правило, заканчивается тем, что, поблагодарив меня за то, что я уже сделал для него, обращается с новой просьбой такого же характера. А начинает-то с того, что соскучился и зашёл поведать.

Надо воспитать в себе правило – как можно меньше говорить о себе и никогда самому не начинать эту тему. Если же по ходу разговора приходится сказать что-то о себе, надо стараться не употреблять ни одного слова, которое прямо или косвенно было бы воспринято как похвала себе или напрашивание на похвалу. Некультурный человек даже мнимое своё достижение превозносит до высоких степеней. А главное, он делает так, что его начинают превозносить другие, обычно его подчинённые или находящиеся от него в зависимости.

Однажды к руководству лечебным учреждением пришёл человек, который всегда производил впечатление нескромного. Сделавшись руководителем, он через несколько месяцев стал заявлять, каких крупных успехов он добился. Присутствовавшие на заседаниях врачи из других учреждений смущённо закрывали глаза, когда он то и дело заявлял: «Я сделал то-то, я открыл это, я впервые произвел то-то и т. д.» Некоторые его сотрудники быстро усвоили эту его слабость и начали превозносить своего начальника так, что ни одно выступление не обходилось без дифирамбов ему. Врача, наиболее «отличившегося» на этом поприще, он быстро выдвигал на более ответственную должность. Вскоре начальник потерял всякий контроль над собой и стал невыносим в обществе.

Трагичность ситуации в том, что такие начальники перестают замечать унижительность положения, в которое они ставят себя и подчинённых. Есть восточная пословица: «Достоин тот презренья и хулы, кто непомерно жаждет похвалы».

Как правило, это ведёт к застою и даже развалу работы. Когда научным учреждением руководит человек талантливый и специалист в своём деле, ему не надо ни прибегать к грубости, ни унижать кого-то, ибо унижают других лишь те, кто этим стремится возвыситься.

Николай Николаевич Петров на лекциях часто говорил: «В хирургии, как и в жизни вообще, существует два способа, чтобы стать выше окружающих. Один из этих способов, более трудный, состоит в том, чтобы самому подняться как можно выше в своих знаниях, в своей технике, в своей добросовестности к делу; другой способ, более лёгкий, основан на стремлении унижать и устрашать людей вокруг себя. Однако, – добавлял он, – только первый способ действительно возвышает человека и делает его более ценным для коллектива».

Напрасно в наше время некоторые иронизируют над «хорошим воспитанием», оно нам в социалистических условиях столь же необходимо, как и во все другие периоды человеческого бытия.

Что же надо понимать под «хорошим воспитанием»?

Хорошее воспитание – это такое, которое человек получает в здоровой трудовой семье, в школе, где работают умные честные учителя, в пионерской и комсомольской организациях и в вузе при наличии соответствующих воспитателей, в хорошем трудовом коллективе.

Могут возразить, что, мол, не каждый молодой человек попадает в благоприятные условия, где он может получить хорошее воспитание. Жизнь складывается по-разному. Верно. Но если молодой человек захочет, он может добиться этого путём самовоспитания. Много читая и наблюдая за поведением различных людей в обществе, такой человек сумеет сам взрастить в себе хорошие качества и добьётся того, что другие получают в семье или школе. Было бы желание и настойчивость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/fedor-uglov/budni-hirurga-chelovek-sredi-lyudey>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)